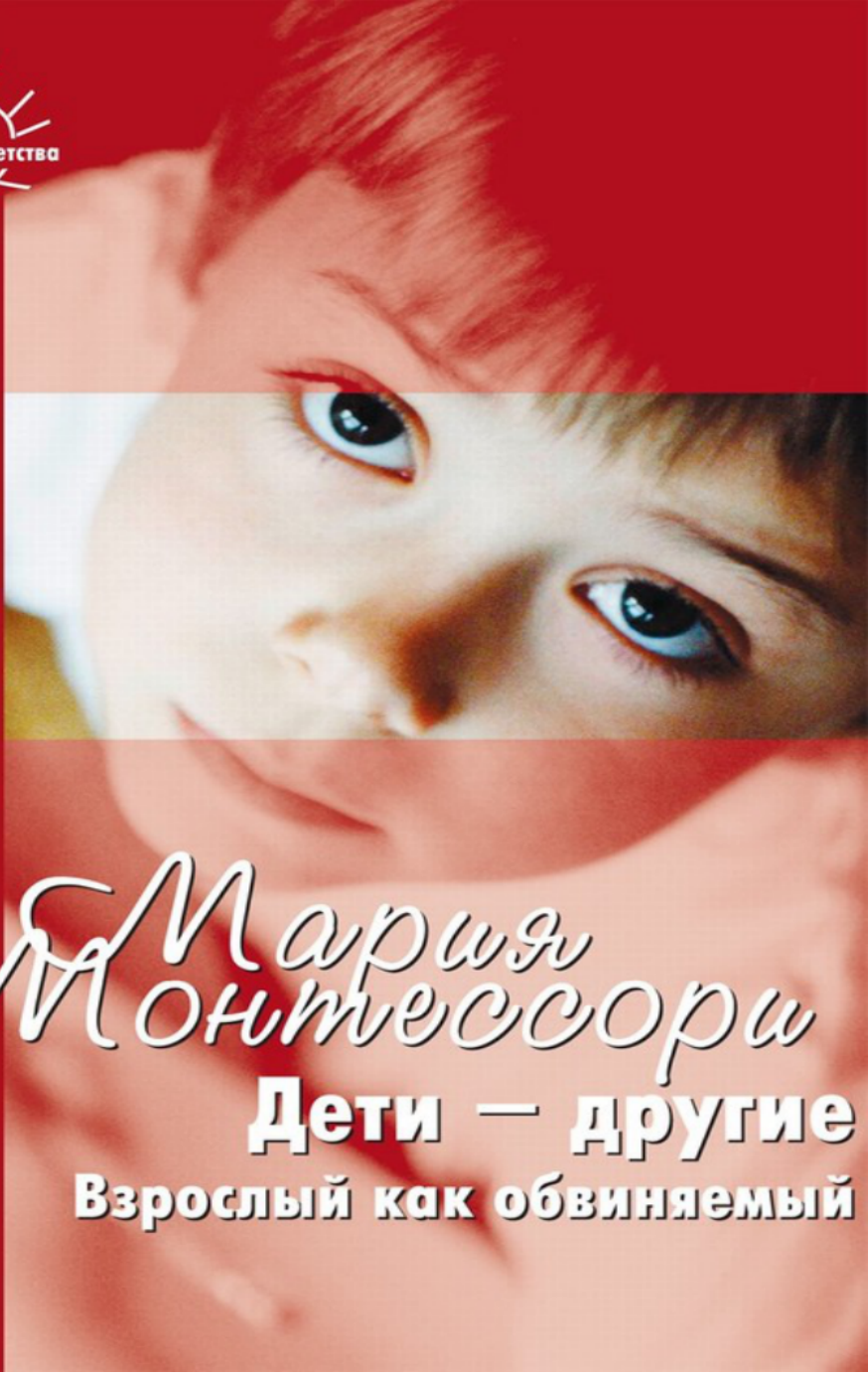
педагогика детства



Мария Монтессори

Дети — другие

Взрослый как обвиняемый

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Известный итальянский педагог М. Монтессори посвятила всю свою жизнь созданию специальной методики воспитания детей. В настоящее время по методике Монтессори работают во всем мире. В этой книге М. Монтессори подробно рассказывает о том, каким путем шла она к созданию своего метода. Работая с детьми, она постепенно пришла к выводу, что ребенок сам является творцом своей личности, что в нем самом заложено стремление и энергия к саморазвитию. Задача взрослого – только помочь ребенку действовать самостоятельно. Для этого необходима специальная среда и подготовленный учитель, уважающий личность ребенка. На протяжении всей книги звучит тревожный голос М. Монтессори, которая, болея всей душой за ребенка, стремится объяснить читателям, что дети – другие. Только признав это, взрослые могут пытаться избежать конфликтов с детьми и всевозможных отклонений от естественного пути развития ребенка, а в конечном итоге и всего человечества.

- М. Монтессори
  - ○
  - ○ Тайна Монтессори
    - ■ Преодоление
  - ○ Часть первая
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
    - ■ Комментарий

■ Сам себе режиссер?

М. Монтессори
Дети – другие. Взрослый как обвинямый. Часть 1

© Издательский дом «Карапуз», 2012
© К.Е. Сумнительный, вступ. и заключит. статьи, комментарии, 2012

Тайна Монтессори

Вернемся к школе уважаемой мадам Монтессори. Самое важное то, что дети не чувствуют тяжести учения, так как они учатся всему играя. Во-вторых, цель состоит в том, чтобы развить все органы и чувства ребенка. Очень мало места отводится простому заучиванию.

Махатма ГАНДИ

Преодоление

Если бы Мария и не стала педагогом, имя ее осталось бы в истории. Родившись в 1870 году в маленьком портовом городке Италии, она, как дочь государственного чиновника, могла разделить судьбу тысяч девочек из приличных семей. Но твердость характера и нежелание быть, как все, проявились еще в отрочестве. В 12 лет она решает, что будет учиться в технической школе для мальчиков, и не только попадает туда, но с успехом ее заканчивает. И тут же принимает другое «вздорное решение», которое изменяет ее жизнь. Мария увлекается естествознанием и делает профессиональный выбор. Ее путь медицина, и в очередной раз, преодолев все препятствия, она становится первой женщиной врачом, после окончания Римского университета получает частную практику.

Но тут судьба сводит ее с «идиотами», так в то время назывались все дети с отклонениями от нормы. Монтессори окунается в изучение этой темы и находит книги двух французов Жана Батиста Гаспара Итара и Эдуарда Сегена. Мария самостоятельно переводит их работы, тщательно переписывая в толстые тетради. Именно от Сегена Мария узнает о том, что если проводить занятия по особой методике, то «из ста идиотов двадцать пять становятся по сути нормальными людьми». Это открытие настолько поражает Монтессори, что она добивается открытия Ортофренической школы «для укрепления умственных способностей» и становится ее директором. Она разрабатывает десятки пособий и требует от персонала разговаривать с подопечными с полным почтением и даже проводить для них специальные уроки. Двухлетняя работа заканчивается педагогической сенсацией. В 1900 году на школьной олимпиаде в Риме ее воспитанники превосходят детей из обычных школ по письму, счету и чтению. Как вспоминала позже сама Мария, после этого к ней ночью стал являться святой Павел и убеждать ее посвятить себя делу развития способностей обычных детей.

Это ее желание не находит понимания со стороны Министерства образования Италии. Тем не менее Мария в очередной раз резко меняет свою жизнь и вновь поступает в Римский университет, где изучает экспериментальную психологию и педагогическую антропологию. В 1904 году она получает звание профессора антропологии. Возглавляет кафедру гигиены в Высшей женской школе, преподает в Римском университете. Но то, что кто-то мог посчитать победой, для нее почти поражение. Мария не сдается, и ее упорство в очередной

раз вознаграждается.

В 1907 году у Марии Монтессори появляется возможность проверить действие своей системы на здоровых, хотя и запущенных детях. На смелый педагогический эксперимент решается не Министерство образования, а итальянский миллионер Эдуардо Таламо. В кварталах, где живут рабочие его текстильных фабрик, открывается дом ребенка (Casa dei Bambini). В классы дома устремляются 50 маленьких дикарей, сквернословящих и ломающих мебель и дидактические пособия. Всего через несколько месяцев этих детей можно было показывать самой взыскательной комиссии. Они так спокойно и сосредоточенно работали, что некоторые наблюдатели посчитали это признаком жесткой деспотии и совершенно не могли поверить, что такое поведение – результат предоставления ребенку свободы действий.

Удивительно то, что в основу практики домов ребенка легли идеи, которые буквально носились в воздухе. Уже в 1900 году шведская писательница и педагог Э. Кей написала книгу «Век ребенка», главным лозунгом которой стало: «Исходи из ребенка». Кей выступила за создание условий для самовыражения и свободного развития индивидуальности ребенка при минимуме педагогического руководства. Американский педагог и психолог Д. Дьюи пишет о «коперниковской революции в педагогике», смысл ее превращение ребенка в астрономический центр педагогической вселенной. Но в отличие от других детоцентристов Монтессори ищет способы организации педагогического процесса. Не приемля классно-урочную систему, она предлагает поместить ребенка в развивающую среду и именно в ней дать ему свободу. Развиваться и распространяться ее метод смог именно потому, что Мария в ходе научного изучения и долгих наблюдений за детьми выделила закономерности их развития и, опираясь на них, создала дидактический материал, организованный в специальной среде. Ее первая книга, переведенная в России, вышла под названием «Метод научной педагогики, применяемый в домах ребенка» и сразу привлекла внимание отечественных педагогов сторонников свободной школы. Дочь Льва Николаевича Толстого Татьяна Сухотина пишет статью об идейной близости школы ее отца и Марии Монтессори.

Но пока вокруг ее метода идут ожесточенные споры, Мария буквально покоряет Америку. После ее триумфальных лекций в том же 1913 году изобретатель телефона Александер Белл и его жена основывают в Вашингтоне Образовательную Монтессори-ассоциацию, попечителем которой становится дочь президента

США Вильсона. Во время второго путешествия в Америку Монтессори выступает в Карнеги-холле и получает две золотые медали Панамско-тихоокеанской выставки в сфере образования.

После этого Европа наконец-то признает значимость ее дела. В 1922 году правительство Италии назначает ее государственным инспектором школ. А в 1923 году ее сын Марио обращается к Муссолини, после чего школы Монтессори получают государственную поддержку и дотации. Популярность метода Монтессори в Европе растет. Ее приглашают в Испанию, где Мария основывает институт, в котором занимается проблемой религиозного воспитания. В Лондоне открываются курсы по подготовке педагогов. Именно там она знакомится с Ганди, посетившим курс в 1932 году. К этому времени отношения Монтессори с фашистским правительством Италии окончательно испортились. Тоталитарной стране не нужны свободные, самоопределяющиеся дети. В 1934 году Мария покидает родину и перебирается в Испанию, из которой ее выгоняет гражданская война. Начало мировой войны застает ее в Англии, из которой ее интернируют как гражданина государства-противника. Спасает приглашение теософского общества посетить Индию. Именно там она проводит годы войны. Здесь она не только развивает свои идеи, но строит следующую школьную ступень своего метода для детей 6-12 лет. Она уже разработала свою периодизацию детского развития, правда, очень созвучную идеям Жана Пиаже, с которым дружила. Мария считает, что на смену сенсорному исследованию у детей 6-12 лет приходит развитие логического мышления. Ребенку важно узнать не столько «что это», а «почему это так». Дети способны воспринять целостную картину больших и сложных явлений и, ведомые силой воображения, могут погрузиться в исследование того, что «зацепило», заставило задуматься. Дидактический материал возникает из конкретных жизненных ситуаций. Так, например, Мария постоянно сталкивается в Индии с непомерной гордостью, с которой индийцы относятся к древности своей цивилизации, и рождается знаменитая «Черная лента». Это многометровая лента, охватывающая время существования жизни на нашей планете. Учитель долго разворачивает ее, рассказывая о том, когда и какая жизнь господствовала на Земле. Только в самом конце многометрового полотнища открывается тонкая красная полоска. Именно она показывает, как недолго живет на Земле человек.

С этой лентой, притороченной к двум велосипедам, и другими материалами Мария с сыном Марио колесит по Индии и читает лекции. А еще она пишет свои замечательные книги, обращаясь то к закономерностям развития ребенка от 6 до 12 лет

(«Космическое воспитание», «От детства к юношеству», «Развитие потенциальных возможностей человека»), то к развитию ребенка до 3 лет («Впитывающий ум»). Только в 1946 году Монтессори возвращается в Европу, в Голландию, где обосновывается штаб-квартира Международной Монтессори-ассоциации, основанной ею еще в 1929 году. Именно здесь, окруженная почитанием сторонников ее педагогики и любовью внучек и внуков, она и умирает в мае 1952 года.

Часть первая

Глава 1
Век ребенка

Прогресс достигнутый за немногие годы в деле воспитания и ухода за детьми, объясняется пробуждением совести общества. Речь идет не о прогрессе детской гигиены последних десяти лет девятнадцатого века. Самое главное – появление нового взгляда на личность ребенка.

Сегодня невозможно познать какую-либо область науки – медицину, философию или социологию, игнорируя знания, накопленные о жизни ребенка. Поэтому так важно изучать влияние эмбриологии на общие знания в области биологии и развития живых существ. Остановимся лишь на том, что непосредственно связано с ребенком, так как это неизмеримо влияет на все человечество.

Ребенок интересен нам в первую очередь не как физическое, а как психическое существо, способное дать начало совершенствованию человека. Духовный его мир будет, возможно, способствовать действительному продвижению человека по пути прогресса к развитию новой культуры.

Шведская писательница и поэтесса Элен Кей назвала наше время веком ребенка. Если набраться терпения и порыться в документах, то обнаружится, что эта же мысль прозвучала в тронной речи короля Италии Виктора Эммануила III, произнесенной в 1900 году. При своем вступлении на трон после убийства отца король говорил о новой эре, которая должна вывести двадцатый век на новую прямую, обозначив ее как «век ребенка».

Эти взгляды представляют собой отражение тех научных знаний конца девятнадцатого века, которые показали нам ребенка, страдающего в десять раз больше, чем взрослый, терзаемого школой и инфекционными болезнями.

Но никто не мог тогда знать, что в природе ребенка сокрыта особая жизненная тайна, способная сдернуть завесу с мистерии души человеческой, что ребенок несет в себе нечто неизведанное, что может дать нам, взрослым, возможность решить наши личные и социальные проблемы. Эта точка зрения открывает новое направление в изучении ребенка. Она представляется нам очень важной в плане влияния на всю социальную жизнь.

Психоанализ открыл для нас не изученное доселе исследовательское поле. Он не решил насущных жизненных проблем, но внес большой вклад в подготовку понимания тайн природы ребенка.

Психоанализ проник под оболочку сознания, которое было закрыто от психологов, как геркулесовы столпы в античной истории. Без его открытий было бы трудно объяснить духовную жизнь ребенка, которая, в свою очередь, могла бы способствовать углубленному изучению общечеловеческих проблем.

Известно, чем стал психоанализ позже. Но вначале он был не чем иным как новым методом лечения душевных заболеваний. Он положил начало новой области медицины. Истинный вклад психоанализа состоял в открытии влияния подсознания на действия человека. Он изучал определенные психические реакции той стороны сознания, которая обнаруживала скрытые факты и неожиданные реалии, отодвинув тем самым все прежние представления. Таким образом, нам открылось существование неизвестного, обширного мира, с которым тесно связана судьба индивида. Но психоанализ не смог полностью исследовать этот неизвестный мир. Страх, сравнимый с суеверием греков, удержал З. Фрейда в пределах исследования заболеваний.

В некоторых случаях под давлением мощного внутреннего напряжения, вызванного сочетанием различных факторов, развиваются тяжелые душевные недуги. Странные проявления подсознания очень контрастируют с проявлениями сознания. Долгое время их считали просто симптомами заболевания. Фрейд прошел обратный путь: с помощью тщательно отработанной методики он получил возможность проникать в подсознание. Но ограничился лишь сферой исследования болезней. Какой же нормальный человек был бы готов подвергнуть себя болезненным обследованиям, похожим на оперативное вмешательство в душу? Основные положения новой психологии базировались на наблюдениях.

Поэтому теории Фрейда не могут удовлетворить нас, так же как и его методы лечения, так как они никоим образом не ведут к исцелению душевных болезней. Традиции и обычаи общества восстали против некоторых обобщений фрейдистских теорий. Эти традиции позволили нам увидеть реальность. Исследование этой чудовищной реальности – больше, чем методика клинического лечения или обоснование теорий.

Задача освоения этого неисследованного поля совпадает, возможно, с задачами других наук и предполагает другую терминологию. Речь идет об изучении людьми своего происхождения, о расшифровке души ребенка при столкновении его с окружающим миром, о драматической и трагической тайне его борьбы, которую необходимо описать, ведь понимание души человека остается пока искаженным и неясным.

Психоанализ уже коснулся этой тайны. Самым впечатляющим открытием стало утверждение о происхождении психозов. Из обремененного воспоминаниями подсознания исследователи узнали о диковинных страданиях детства. Это открытие стало выдающимся революционным знаком психоанализа. Выяснилось, что длительные и постоянные страдания чисто душевного свойства в детстве могут привести к психическим заболеваниям во взрослом состоянии и являются результатом подавления спонтанной деятельности ребенка. Это подавление идет от взрослого, а именно от матери, которая имеет огромное влияние на свое дитя.

Следует различать два пласта, с которыми сталкивался психоанализ. Один из них лежит на поверхности. Это конфликт, который разыгрывается между инстинктом индивида и условиями внешнего мира, к которому этот индивид должен приспособиться. Этот конфликт может разрядиться, если причины его, не находя своего разрешения, уносятся в поле подсознания. Но есть и еще один глубоко залегающий пласт – детские воспоминания. Они встают не между вырастающим человеком и окружающей социальной средой, а между ребенком и его матерью – или, обобщая, между ребенком и взрослым.

Вышеупомянутый конфликт стоит в тесной связи с тяжело излечиваемыми болезнями; большое значение придавалось не ему, а простому анамнезу или разъяснению предполагаемых причин заболевания.

И все же психоанализ указал на то, что болезни, причины которых закладывались в детстве, трудно или незначительно поддаются лечению. Итак, можно сказать, что детство – это мастерская по производству предрасположенности к болезням.

Уже во время исследования психических заболеваний

получили свое развитие новые области науки, которые вызывали социальное движение с ориентировкой на физическое оздоровление детей. Психоанализ не нацеливался на подобные результаты, а только предписывал определенную методику зондирования подсознания. Эта методика в отношении ребенка наталкивается на препятствие. Ему не нужно овладевать этой методикой, не нужно вспоминать о своем детстве. Ребенок пребывает в нем. Прежде чем зондировать подсознание, необходимо раскрыть конфликт, через который ребенок познает социум. Ясно, что такой подход выводит нас из поля психоаналитических методов и ведет к новому – наблюдению социального бытия ребенка.

Речь идет не о сложных пассажах описания больного индивида, а о широком движении к душе ребенка. Еще неизвестны такие страницы в книге человеческой истории, которые рассказывают о приключениях души человека. Сензитивный ребенок, наталкиваясь на первые препятствия и возражая, оказывается в непреодолимом конфликте со взрослым, который сильнее ребенка и господствует над ним, не понимая его. На этих неисписанных листах не обозначены страдания, которые вскипают в нежной душе ребенка. В его подсознании формируется униженный человек, отличный от того, которого задумывает и желает природа.

Этот трудный вопрос освещается психоанализом в общем, но не состоит с ним в прямой взаимосвязи. Вопрос о сущности детской души отклонен психоанализом, так как речь идет об отношениях только с одной частью человечества, с ребенком. Но эти отношения должны внести вклад в последующее преодоление трудностей и конфликтов, а также в предохранение ребенка от нарушений обыкновенного морального равновесия – от духовных заболеваний, которыми страдает почти все человечество. Таким образом вокруг ребенка создается новое поле научных изысканий, не зависимое от психоанализа, но родственное с ним. Главенствующим становится требование о помощи детской душе, о помощи в области воспитания. С одной стороны, необходимо обосновать не известные до того факты психического проявления, а, с другой, – разбудить взрослых, ошибочно противостоящих ребенку, поведение которого определяется подсознанием.

Глава 2
Взрослый как обвиняемый

Фрейд говорит о подавлении ребенка как об истоке нарушений психики у взрослых. Ребенок не может свободно развиваться, как это делают все растущие живые существа, потому что взрослый подавляет его. Ребенок изолирован от человеческого общества. Влияние на ребенка оказывают только представители мира взрослых. На первом месте стоит мать, за ней отец и, наконец, все учителя и воспитатели.

Задача, которую вверяет взрослым общество, обратно подавлению. Они должны продвигать ребенка вперед. Так в ходе исследований роли взрослых вырастает обвинение против тех, кто должен служить хранителем и благодетелем человеческого рода. Они все становятся обвиняемыми. На всех людей – отцов, матерей, большинство учителей и воспитателей – распространяется обвинение. В нем есть нечто апокалиптическое, похожее на таинственный и ужасный глас последнего суда: «Что вы сделали с вверенными вам детьми?»

Протест против этого обвинения выдвигает защиту: «Мы сделали все возможное! Мы любим детей, мы жертвуем собой ради них!» Итак, здесь друг другу противостоят два мнения. Одно из них опирается на сознание, а другое – на подсознание. Мы знаем аргументы, с помощью которых взрослый защищает себя. Они древние, глубоко укоренившиеся и оттого неинтересные. Намного интереснее обвинение, или лучше сказать, сам обвиняемый – тот взрослый, который усердно делает все, чтобы улучшить воспитание и уход за детьми, все глубже теряясь в

кругу неразрешимых проблем. Это происходит потому, что он не знает о заблуждении, которое несет в себе самом.

Все, кто вступается за ребенка, должны принять эту обвинительную позицию против взрослых. При этом взрослые не имеют права на снисхождение и исключения.

Это обвинение становится центром чрезвычайного интереса и направлено против неосознанных заблуждений. Таким образом, оно служит широкому самопознанию и делает людей богаче. Так обогащается все существо человека, идущее к каким-нибудь открытиям в духовной области.

Человечество воспринимало свои ошибки во все времена двояко. Досадуя на них, мы ощущаем притяжение и очарование неосознанных заблуждений. Они – путь к совершенству, они поднимают самопознание на более высокий уровень. Рыцарь Средних веков в ответ на малейшее обвинение, касающееся его сознательных действий, имел повод вызвать на поединок. Но одновременно он смиренно падал ниц перед алтарем и признавался: «Я – грешник и признаю мою вину перед всем миром». Библейская история дает интересные примеры такого поведения человека. Что дало повод народу Ниневии столпиться вокруг пророка Ионы, что вызвало воодушевление, с которым все, от царя до нищего, вняли проповеди? Иона указал им на застарелые грехи и провозгласил, что Ниневия погибнет, если они не покаются. Как обратился Иоанн Креститель к народу на берегу Иордана? Какие слова он сказал толпе? Он назвал ее «порождением ехидниным».

Что за духовный феномен: есть люди, которые торопятся услышать, как кто-то обвиняет их, и с энтузиазмом признают свою собственную вину. Существуют твердые и настойчивые обвинения, которые вытаскивают бессознательное из своих глубин и сливают с сознательным. Все духовное развитие состоит из таких завоеваний сознательного, которое вбирает в себя нечто такое, что прежде было вне его. Так по пути новых открытий идет прогресс цивилизации.

Мы хотим, чтобы ребенок развивался иначе, чем раньше. Мы хотим охранять его от конфликтов, которые вредят его духовной жизни. Для этого нам необходимо сделать основополагающий шаг, от которого зависит все дальнейшее: взрослым нужно измениться. Ведь взрослый утверждает, что он сделал все возможное, чтобы любить ребенка, жертвуя всем. Таким образом, он признает, что дошел до предела в применении своих осознанных возможностей и ему ничего не остается, как попытаться шагнуть за пределы своих познаний, помыслов и сознания.

Непознанное есть и в ребенке. Часть его духовной жизни была скрыта от нас до нынешнего дня, и мы должны ее изучать, делая существенные открытия. Кроме наблюдаемого и изучаемого психологами и воспитателями ребенка есть еще один, никем не замеченный. Его, скрытого и непознанного, – необходимо отыскать. Здесь требуется воодушевление и самопожертвование золотоискателя, устремляющегося в самые далекие страны. Взрослые всех положений, рас и национальностей должны участвовать в открытии детства как непременного элемента прогресса человечества.

Не понимая детей, взрослый состоит с ними в постоянной борьбе. Это нельзя изменить, не овладев новыми знаниями, не устранив некоторые недостатки образования. Нет, речь не идет о том, чтобы отыскивать совершенно другие исходные позиции. Взрослый должен открыть в себе самом заблуждение, которое мешает ему правильно видеть ребенка. Невозможен ни один шаг вперед до тех пор, пока мы не обрели эти знания и не выработали поведение, которое из них следует.

Это внутреннее самоуглубление вовсе не так сложно, как может показаться на первый взгляд. Ведь наше заблуждение не осознается нами, но создает некое постоянное, болезненное угнетение, указывающее путь. Если кто-то вывихнул палец, то чувствует потребность держать его вытянутым, так как инстинктивно знает, что не может пользоваться этим пальцем, покуда боль не уляжется. Мы чувствуем стремление выправить нашу совесть, как только узнали, что вели себя неправильно. В нас просыпается понимание, что мы переоценили себя и слишком уверовали в то, что достигли многого. Для нас возникает возможность понять характерные черты детских душ, отличные от наших.

Взрослый в своем отношении к ребенку эгоцентричен. Не эгоистичен, а эгоцентричен. Все, что касается души ребенка, он оценивает по собственной мерке, а это ведет к все большему непониманию. С точки зрения взрослого ребенок – пустое существо, которое необходимо чем-то заполнить. Существо инертное и неумелое, за которое все надо переделывать, которому необходимо предводительство взрослого. В итоге взрослый чувствует себя творцом и оценивает добро и зло в действиях ребенка по отношению к себе самому. Так взрослый становится мерилом добра и зла. Сам он безгрешен, дитя должно следовать его образцу, и все в ребенке, что отклоняется от характера взрослого, – ошибка, которую взрослый жаждет в спешке исправить.

Таким своим поведением взрослый полагает, что он,

наполненный любовью и готовностью жертвовать, усердно заботится о благе ребенка. Но в действительности подавляет личность ребенка.

Глава 3
Биологическая промежуточная игра

Опубликовав свое открытие о делении клетки, К. Вольф показал процесс возникновения живого организма и доказал посредством прямых наблюдений, что в зародыше должна быть целеустремленная установка на заранее определенную форму. Вольф поведал нам о изначальном существовании готовых форм в зародыше. Современные философские школы понимают, что ab ovo (из яйца), то есть изначально, должно развиться совершенно определенное существо. Это представление появилось благодаря наблюдениям за семечком растения, в котором скрыто полноценное растение. В ростке уже узнаваемы корень и листья, они продолжают развиваться, пока семя вызревает в почве. Предполагается, что у животных и человека происходит тот же процесс.

Когда после изобретения микроскопа К. Вольф мог наблюдать, как в действительности образуется живое существо (он начал с изучения эмбриона птицы), он обнаружил простую клетку, в которой, как теперь уже известно, не заметно никаких изначально образованных форм. Клетки зародыша (возникшие от слияния двух клеток) состоят исключительно из оболочки, протоплазмы и ядра, как и любые другие клетки. Итак, клетка проста, имеет примитивную форму без видимого следа какого – либо дифференцирования. Каждое живое существо, будь то растение или животное, развивается из таких простых клеток. То, что можно было наблюдать до изобретения микроскопа, а именно

– росток из семени, явилось в действительности эмбрионом, который уже развился из зародыша и прошел первую фазу в своем развитии, когда семя поместили в почву.

Но зародыш имеет присущее ему высочайшее качество: он быстро делится на все новые и новые части по предопределенному плану. Ядро клетки содержит хромосомы, являющиеся носителями наследственности.

Если проследить ступени развития живого существа (исходная клетка которого делится пополам, а половинки в свою очередь также делятся пополам и так далее), то можно увидеть, что посредством продолжающегося размножения, скопления и дифференциации клеток образуется сложный организм с многочисленными органами и тканями. Вся простая и ясная структура зародыша работает и выдает с послушной точностью нематериальное указание, которое он носит в себе, словно верный слуга. Зародыш, знающий наизусть свою задачу, претворяет ее без описаний, которые могли бы выдать его тайную задачу. План построения обнаруживается, когда творение уже создано.

Первый орган, который формируется в эмбрионе животного и человека, – сердце. Лучше сказать, орган, который должен стать сердцем, – пузырек, тут же начинающий пульсировать в заранее заданном ритме. Сердечко бьется в два раза быстрее, чем сердце матери. Оно будет неустанно биться, потому что это – мотор жизни, который защищает все образующиеся ткани, подводя к ним необходимые питательные вещества.

Чудо этой таинственной строительной работы состоит в том, что она совершается сама собой. Фактически здесь мы имеем дело с чудом созидания. Мудрые жизненные клетки никогда не ошибаются и имеют способность преобразовываться совершенно, будь то клетки хряща, или клетки кожи, или нервные клетки; каждая ткань занимает свое надлежащее место. Это чудо сотворения образует тайну Универсума.

Но новорожденное создание – не только материальное существо. Оно является со своей стороны неким видом зародыша, который заключает в себе латентную, уже заранее определенную духовную функцию. Это тело функционирует не только с помощью своих органов. У него есть и другие задачи: образование в уже родившемся теле функций, которые не присущи зародышу и младенцу. Каждый зародыш несет в себе строительный план всего организма, без которого он не мог бы утвердиться. Каждое новорожденное живое существо, принадлежащее всегда к какому-либо виду, в строительном плане имеет функции, помогающие образовать связи с внешним миром.

Чудесные инстинкты пчел, с помощью которых они способны создавать такие сложные социальные организации, начинают действовать лишь в самой пчеле, а не в яйце личинки. Инстинкт летать проявляется у подросшего птенца, но не раньше.

Как только образуется новое живое существо, оно становится неким складом таинственных руководящих позывов, которые поведут в свое время к формированию характерных черт и достижений.

Внешний мир не только поставляет средства для физиологического бытия, но и стимулы для таинственных задач, которые несет в себе каждое живущее существо. Эти стимулы призывают не просто жить, но и выполнять функцию по сохранению мира в необходимой гармонии.

Форма тела соизмерима с той духовной «сверхфункцией», с которой данное существо должно принимать участие в жизни Вселенной. То, что эти высшие функции уже заложены в новорожденном, является очевидным у животных. Известно, что одно насекомое будет неутомимо работать по неизменному образцу, потому что это – муравей, а другое насекомое не будет делать ничего другого, как стрекотать в одиночестве, потому что это – сверчок.

Новорожденный ребенок – не только тело, но и духовный эмбрион с латентными духовными руководящими силами. Было бы бессмысленно отрицать, что как раз человек, будучи единственным в своем роде духовным существом, отличается от всех других созданий тем, что он носит в себе план духовного развития.

Дух в человеке скрыт так глубоко, что не сразу становится очевидным, пока ему не представится случай проявиться, как это происходит с инстинктами у животных. То, что новорожденный человек с самого начала не владеет, как животные, твердыми и неукротимыми инстинктами, является знаком, что он в некоторой мере владеет свободой действий. Поэтому каждому индивиду необходимо построить себя, и результат этого непредсказуем. Итак, в душе ребенка есть секрет, который мы не можем открыть, потому что сам ребенок не открыт нами и потому что он строит себя постепенно. Мы снова имеем дело с явлением, похожим на деление клеток. Здесь, как и там, совершается развитие по невидимому плану, который невозможно уловить и который обнаруживается лишь тогда, когда образование организма во всех деталях проходит спонтанно. Ребенок может раскрыться нам только сам, свободно претворяя свой естественный план построения.

И нет ничего более нежного и чувствительного, чем

новорожденное создание. Духовная жизнь новорожденного создания и окружающий его мир нуждаются в защите, как и оболочка, покрывающая физический эмбрион.

И услышали на земле трепещущий голос, который до этого не слышали.

Он вырвался из уст, из которых не раздавалось еще ни одного звука.

Об одном человеке слышала я, жившем словно в затмении. Ни одного проблеска света не видели глаза его, словно он находился в глубине ущелья.

Об одном человеке слышала я, жившем в тиши. Ни один звук не достигал ушей его.

Об одном человеке слышала я, жившем долго под водой, под странной теплой водой, и который потом махом окунулся в леденящий холод.

И он развернул свои легкие, которыми он раньше никогда не дышал (танталовы муки были легки в сравнении с его муками!) И он жил. Одним вздохом наполнились его легкие, которые были вначале свернуты.

Потом этот человек закричал.

И тогда на земле услышали его трепетный голос. Он вырвался из уст, не произносивших до этого ни одного звука.

Это был человек, который соблаговолил явиться.

Кому хотелось бы поразмышлять над тем, что есть полная тишина?

Тишине не нужна пища, потому что за нее ест кто-то другой.

Все волокна тела расслаблены, потому что другие ткани рождают тепло, необходимое для жизни; внутренности не нуждаются в защите от ядов и ростков зла, потому что это берут на себя другие ткани.

Одно-единственное сердце его работает в нем. Оно уже стучало, прежде чем он был. Да, он еще не существовал, когда сердце его уже билось. И это было сердце человека.

И теперь… он вышел наружу.

Раненный светом и звуком, изнуренный до последней фибры, он принимает на себя всю работу бытия.

И он испустил громкий крик: «Почему ты оставила меня?»

Это первый случай, когда человек отражает в своем существовании умирающего Христа и Христа Воскресшего!

Глава 4
Новорожденный. Надприродное окружение

Ребенок, покидающий материнское тело, вступает не в природную среду, а в мир цивилизации, в котором разыгрывается жизнь взрослых. Это окружение воздвигнуто над природой с целью лучшей организации жизни человека и облегчения приспособления.

Но что предусмотрела цивилизация, чтобы помочь новорожденному человеческому существу, которое должно совершить чудовищные усилия, приспосабливаясь после рождения к новой жизни?

Этот мучительный переход должен был бы потребовать научного обращения с новорожденным, ибо нет другого случая, когда человек проявляет столько мужества, переживая столь болезненную смену своего окружения.

Но никаких мер никогда не принималось, чтобы облегчить новорожденному этот переход. Напрасно искать в книге цивилизации место для первой страницы, на которой сообщается, как человек помогает новорожденному. Эта страница не написана.

Противоположного мнения об обращении с новорожденным придерживается большинство людей: цивилизация делает чудеса для ребенка, приходящего в мир. Но как выглядит все на самом деле? Когда рождается ребенок, все заботятся о его матери. Мать страдала. А ребенок не страдал?

Вокруг матери приглушенный свет и господствует тишина, потому что мать изнурена. А ребенок не изнурен? Не приходит ли он оттуда, где ни одного лучика света и легкого звука не проникает к нему? Ребенок имеет право на темноту и тишину. Он рос в месте, где был защищен от потрясений, от температурных перепадов, был окружен мягкой однородной жидкостью, призванной создать ему полную тишину. Теперь эту жидкую среду он сменил на воздух, и без переходных стадий, которые, например, проходит головастик, прежде чем станет лягушкой.

Но что делает взрослый с этим новорожденным, который приходит из ничего, чьи глаза никогда не глядели на свет, чьи уши привыкли к царству полной тишины? Как он обращается с этим существом, чьи измученные члены не знали до того давящих прикосновений?

Это нежное тело подвергается жестоким толчкам твердыми предметами, его хватают бездушные руки взрослых, которые ничего не знают о его нежности.

Да, с новорожденным обращаются жестоко. Тяжелые руки трут его чувствительную кожу шершавыми полотенцами. Родственники, правда, едва ли отваживаются дотронуться до этого хрупкого существа. Робко разглядывают они его и доверяют уход за ним опытным рукам. Говорят: «Что делать? Кто-то же должен дотронуться до него».

Да, но эти опытные руки недостаточно ловкие, чтобы обходиться с нежным созданием. Это грубые руки, их ловкость заключается в том, чтобы уверенно держать ребенка и не дать ему упасть.

Врач бесцеремонно хватает его, и если дитя при этом отчаянно кричит, одобрительно смеется. Младенец должен вести себя так, крик – это его язык, и чем больше он плачет, тем здоровее становятся его легкие, тем лучше очистятся его глаза.

Едва появившегося на свет ребенка одевают. Были времена, когда новорожденного бинтовали тугими бинтами, так сказать, укладывали в гипс. Его члены сдавливали и начальной скрюченной позе придавали насильственно выпрямленное положение.

Любая одежда не нужна, как не нужно и пеленание. Это действительно не только для первых часов жизни, но для всего первого месяца.

Если мы будем исследовать историю костюма новорожденного, то в ней мы увидим постоянное развитие от жестких пеленальных бинтов до облегченных и скудных одежд. Еще один шаг, и нас научат вообще отказаться от одежды.

Тепло, необходимое новорожденному, должно поступать ему

из его окружения, а не от его одежды. Так как он жил до этого в теплом материнском теле, то не развивал достаточно температуру тела, чтобы дать отпор внешней температуре. Но одежда не греет, а лишь препятствует тому, чтобы тело теряло тепло, и значит, она полностью не подходит для новорожденного. Помещение, где пребывает ребенок, должно быть теплым, и в этом случае одежда будет только препятствовать доступу теплого воздуха к телу ребенка.

Мы можем наблюдать у животных, как мать греет своего детеныша своим телом, даже если он рождается с мехом.

Я не могу долго задерживаться на этой теме. Американцы рассказывали мне о мерах, предпринятых в их стране для новорожденных. Немцы и англичане удивленно спрашивали меня, известно ли мне о прогрессе, достигнутом на этом поприще медицинскими учреждениями. Мне все это известно. Я изучила все последние усовершенствования и все же должна громко заявить: повсюду все еще отсутствует благородное ответственное осознание, необходимое, чтобы достойно принять человека, вступающего в мир.

Сделано действительно много, но постоянное улучшение всего необходимого для ребенка не кажется непревзойденным. Еще нет страны на земле, в которой младенец был бы достаточно понят.

Хотя мы внутренне и любим ребенка в каждом взрослом, жив инстинкт, который противопоставляет нас ему, как только малыш вступает в жизнь. Нам кажется, что этот инстинкт защищает ребенка, но это инстинкт скупости, который защищает от него лишь наши личные вещи. Сам же малыш при этом оценивается ниже стоимости предметов. Жалкий матрац принимает тело новорожденного. Чтобы не повредить его, мы подкладываем под ребенка резиновую клеенку и оставляем ее, чтобы дитя страдало от ее воздействия.

Если голос вечной справедливости спросит нас: «Что приготовили вы, чтобы встретить бесценное создание, которое я доверил вам?» – что мы ответим?

«Мы приготовили одежду, которая для ребенка – пытка, и этот ничтожный матрац, который мы защищаем с таким усердием».

Отныне и всегда душа взрослого выражается подобным образом: будь внимателен, чтобы малыш ничего не испортил, не испачкал, затруднив меня таким образом. Мы защищаемся от ребенка. Я думаю, что если человечеству хоть однажды удалось бы понять ребенка, оно научилось бы бесконечно совершенствовать уход за ним.

В Вене пришли к мысли, что одну часть кровати, на которую кладут дитя после его рождения, следует подогревать. Они придумали матрац из впитывающего материала. Каждый раз после загрязнения его можно выбросить и заменить новым.

Но уход за новорожденным нельзя ограничивать только спасением его от смерти и защитой от инфекции, как это происходит во многих современных клиниках.

В обращении с ребенком от момента его рождения есть проблема психического свойства, связанная с желанием облегчить его приспособление к внешнему миру. В этом отношении в клиниках необходимо осуществить еще много опытов. Необходима и долгосрочная пропаганда в семьях, которые должны узнать о сегодняшнем безрадостном положении вещей в отношении новорожденных и изменить его.

В богатых семьях считают особым шиком колыбель и одежду с дорогими кружевами для ребенка. При этом мне приходит мысль, что если было бы принято наказывать младенцев кнутом, то дети богатых родителей получали бы, наверное, плеткой с золотой ручкой, украшенной жемчугом.

Эта роскошь вокруг младенца доказывает полное непонимание потребностей детской души. Достаток семьи должен служить тому, чтобы обеспечить ребенку хорошее гигиеническое содержание, а не роскошь. Это – подготовка защищенного от шума помещения, в котором господствует тишина и приглушенный свет. В помещении должно быть равномерно распределенное тепло – как в операционном зале, с тем, чтобы ребенок мог находиться в нем обнаженным.

Передвигать и транспортировать ребенка нужно таким образом, чтобы как можно меньше касаться его руками. Для этой цели используют мягкую пеленку, некий вид подвесного мата из тонкой ватной сетки, в которой тело ребенка может спокойно лежать в эмбриональном положении.

Этот гамак должен плавно и медленно качаться, причем для этого нужны обученные в ходе длительных упражнений руки. Нужна особая ловкость, чтобы по необходимости поднимать ребенка в вертикальное положение или класть в горизонтальное. В каждой больнице обучают обращаться с больными. Никому не приходит в голову поднять больного руками. Для этого есть особая техника.

Новорожденный ребенок – тот же больной. Он, как и его мать, испытывал опасность. Радость, удовлетворение, которое излучает его взгляд, схож с облегченным вздохом после освобождения от этой опасности. До этого новорожденный почти

задыхался и смог ожить только в результате быстрого применения искусственного дыхания. Часто его голова деформируется от прилива крови под кожу. И, несмотря на это, новорожденного невозможно спутать с больным. Его требования – это требования не больного, но существа, которое должно решить сложную задачу приспособления. И это начинается с первых духовных впечатлений. Существо, только что появившееся из ничего, уже восприимчиво ко многим впечатлениям.

Все, что мы чувствуем в отношении новорожденного, это не сочувствие, а восхищение мистерией творения, тайной бесконечного, которая принимает здесь ощутимую, очевидную форму.

Я видела, как непосредственно после спасения от опасности удушения новорожденного положили в низкую, стоящую почти на полу ванну. Быстрыми движениями ребенка погрузили в воду, разжали и снова сжали ему глаза, распрямили руки и ноги – словно человеку, который чувствует, как его роняют.

В этот момент ребенок получил первый опыт страха.

То, как надобно трогать, носить ребенка, нежность и чувства, которые должны возникать при этом, заставляют меня думать о жестах, с которыми католический священник обращается со святыми предметами в алтаре. Хорошо обдуманными движениями поднимая их, он при этом делает частые паузы, как будто его движения наполнены такой силой, что это именно она перемещает предметы.

И все это происходит в помещении, куда приглушенный свет может проникнуть через цветные стекла. Надежда и благоговение царят в этом святом месте. Так же должен выглядеть и мир, в котором живет новорожденный.

Все извращение нашего поведения устанавливается из сравнения между уходом за матерью и уходом за новорожденным. Представьте, что стало бы с матерью, если бы с ней обходились так же, как с ее ребенком.

Мать оставляют в покое на постели. Новорожденного же уносят сразу. Его принесут снова только чтобы покормить. В этих переносах ребенку не избежать толчков и ударов, а он еще должен быть при этом и красиво одет. Это похоже на то, как если бы мать сразу после родов должна была элегантно одеться и участвовать в приеме.

Ребенка берут из колыбели и поднимают почти на высоту плеч взрослого, который должен нести его. Кому бы пришло в голову подвергать таким движениям роженицу? Когда хотят оправдать такие способы обращения с младенцем, то говорят: «У ребенка нет еще сознания, а без сознания нет страданий и

радости. Бессмысленно уделять столько внимания новорожденному».

А как же обстоит дело со взрослыми больными, когда они в бессознательном состоянии? От чего зависит потребность в помощи? Почему мы не задумываемся о необходимости помощи сознанию? На самом деле возраст, в котором необходима помощь, не играет роли.

В истории человеческой цивилизации есть один просвет, один ненаписанный лист. Никто не составил запись того, как создавался первый отрезок нашего сознания, потому что никто не знает первую потребность человека. Но с каждым днем мы все яснее осознаем истинную правду, что именно страдания раннего детства (и даже дородового периода) оказывают сильное влияние на всю последующую жизнь человека. Сегодня признано всеми, что здоровье взрослых, здоровье расы закладывается в эмбриональной и ранней детской жизни. И почему недооценивают значение самого акта рождения, этого сложнейшего кризиса всей жизни человека?

У нас нет чувств к новорожденному: для нас он еще не человек. Он приходит к нам, и мы не знаем, как принять его, хотя мир, который мы создали, будет принадлежать только ему. Ведь ему выпадает задача шагать за пределы достигнутого нами.

Это все заставляет вспомнить слова евангелиста Иоанна: «В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал.

Пришел к своим, и свои Его не приняли».

Глава 5
Естественные инстинкты

Руководимые родительскими инстинктами, высшие животные, в особенности млекопитающие, с должным вниманием относятся к сложному периоду приспособления, который переживают их детеныши. Примером тому служит простая домашняя кошка. Сразу после рождения она прячет своих котят в темное укромное место и ревностно стережет их, не подпуская никого. Как только котята научатся хорошо держаться на ногах и станут резвыми, она позволит им появиться из укрытия.

Живущие в природе млекопитающие очень тщательно ухаживают за своими детенышами. Большинство из них объединяются в стада. Самка, чувствующая приближение родов, отстает от стада и ищет укромное место. После родов она держит своих детенышей в изоляции и тишине. Это время в зависимости от вида животного длится от двух-трех недель до одного месяца и более. Агрессивная мать превращается в няньку и помощницу своему питомцу. Ее привычный окружающий мир полон шума и света и потому не подходит для малышей. Поэтому мать меняет свое привычное место на спокойное и защищенное. Хотя детеныши рождаются на свет с уже сформированными частями тела, стоят на ногах и могут бегать, мать нежно и бережно воспитывает их, отгораживая от стада, пока они полностью не овладеют некоторыми навыками и не приспособятся к окружению. Только тогда мать выводит их к себе подобным.

Эту удивительную материнскую заботу, которую демонстрируют различные виды животных, стоит изучить.

Самка бизона живет несколько недель вдали от стада и с глубокой нежностью заботится о своем детеныше. Когда ему холодно, мать прикрывает его своими передними ногами. Она терпеливо вылизывает испачкавшегося малыша, пока его шерсть не заблестит снова. Во время кормления она стоит на трех ногах, чтобы облегчить его усилия. Подросшего детеныша мать ведет в стадо, и его кормят своим молоком другие терпеливые беспристрастные четвероногие матери.

Но матери-самки не ограничиваются поиском отдельного места. Перед отелом они интенсивно работают, сооружая гнезда для будущего помета.

Волчица обычно прячется в укромное место. Это может быть чья-нибудь подходящая для нее нора. Не найдя такого места, она роет нору в земле или подготавливает запасы в пустом дупле, выстилая его каким-нибудь мягким материалом. Для этой цели ей служит шерсть, которую она вырывает у себя на груди, облегчая тем самым будущее кормление детеныша. Она рожает от шести до семи волчат, которые появляются на свет слепыми и глухими. Волчица воспитывает их, не позволяя никому их видеть.

Все матери-животные в это время воспринимают тех, кто пытается приблизиться к их укромному месту, как врагов. Подобные инстинкты исчезают у некоторых животных при одомашнивании. Домашняя свинья может даже съесть своих поросят, в то время как дикая свинья – одна из самых нежнейших и любвеобильных матерей, какие только могут быть. Львицы в клетках зоопарков могут иногда даже разорвать своих собственных детей.

Таким образом, природа включает свои защитные энергии лишь тогда, когда то или иное животное в состоянии свободно следовать своему основному инстинкту.

Логика этого инстинкта ясна и проста: новорожденный млекопитающего нуждается в особой помощи в то время, когда он впервые соприкасается с внешним миром. В это время малыш отдыхает от необычного утомления после акта рождения. Одновременно он должен включить все свои жизненные функции.

Затем начинается первый год его жизни – отрезок жизни в этом мире, который мы теперь называем периодом раннего детства.

Забота животного, изолирующего своих детенышей, не ограничивается лишь уходом за телом. Мать прикладывает много усилий, чтобы разбудить инстинкты, дремлющие в новом существе и повелевающие ему стать новой особью своего вида.

Это духовное пробуждение происходит быстрее при приглушенном свете, вдали от всякого шума, под присмотром матери, которая не только вскармливает детеныша, но и с любовью руководит его становлением. Например, по мере того, как жеребенок вырастает и становится сильнее, он учится узнавать свою мать и следовать за ней. Одновременно в его еще легко уязвимом теле становятся очевидными видовые признаки лошади. Унаследованные признаки начинают функционировать. Поэтому самка не разрешает никому смотреть на крепыша, пока он не станет маленькой настоящей лошадью. Кошка так же не хочет, чтобы кто-нибудь увидел ее детенышей, пока они не откроют глаза и их лапки не окрепнут, то есть пока они не станут настоящими кошками.

Ясно, что природа охраняет с большой тщательностью эти важнейшие стадии развития. Повышенное внимание матери имеет величайшее значение для физического развития малыша: с любовью и нежным уходом она ждет пробуждения латентных инстинктов.

Можно сказать, что нежная забота и о новорожденном ребенке отчасти служит тому, чтобы оберегать духовное формирование человека.

Глава 6
Духовный эмбрион. Становление плоти

При употреблении выражения «становление плоти» мы представляем, что для начала жизни на земле в теле новорожденного происходит становление плоти духа. Это представление живет в христианстве как достойная уважения религиозная мистерия, как инкарнация божественного духа: «Et incarnatus est de Spiritu Sancto: et homo factus est».

Наука, напротив, рассматривает новорожденного как существо, которое появилось из ничего. По ее мнению, новорожденный – просто плоть, организм из тканей и органов, которые в совокупности образуют живое существо, а не духовная плоть. В этом мы тоже видим мистерию: почему и как могло сложное живое тело возникнуть из ничего? Но наша задача сейчас состоит не в том, чтобы рассматривать подобные положения. Намного интереснее для нас было бы проникнуть в самую суть происходящего.

Последние достижения в области ухода за новорожденным требуют внимания не только к его физической, но и к духовной жизни. Сегодня нам уже известно, что воспитание необходимо начинать с момента рождения. При этом под словом «воспитание» мы имеем в виду не обучение, а поддержку духовного развития ребенка.

Итак, в свете новых открытий мы знаем, что у новорожденного уже с рождения есть настоящая духовная жизнь. Это стало возможным благодаря тому, что мы научились отличать сознательное от бессознательного. Бессознательное, в котором берут свое происхождение духовные импульсы, стало сегодня почти устоявшимся термином.

Но если бы мы ограничились только этими простыми идеями, то тогда должны были бы согласиться с тем, что в новорожденном происходит игра инстинктов, которая распространяется не только на пищеварительные функции, но и на функции духовные. У детенышей млекопитающих мы можем наблюдать, как быстро развиваются их признаки по некой внутренней команде. Наблюдая за ростом человеческого дитя, мы видим, что новорожденный имеет некое замедленное развитие своих потенциалов, хотя его органы чувств начинают функционировать с самого рождения. Новорожденный чувствителен к свету, шуму и прикосновениям, но его движения долго остаются неразвитыми.

С самого начала и в ходе последующего развития новорожденный долгое время не может передвигаться. Он не в состоянии выпрямиться и своим плачем и криком постоянно призывает на помощь.

Только через некоторый продолжительный отрезок времени его тело выпрямляется, и тогда ребенок начинает ходить. Теперь он не такой беспомощный. Его тело – это уже тело маленького человека, и скоро его голос станет голосом человека, который будет говорить.

Эти факты духовного и физического роста мы называем становлением плоти. Становление – таинственный процесс, в ходе которого в теле новорожденного просыпается энергия, наделяющая его члены силой, а артикуляторные речевые органы – способностью действовать согласно его воле. Так инкарнируется человек.

Заметим, что малыши млекопитающих сразу после рождения или чуть позже встают на ноги, разыскивая мать, в то время как человеческий новорожденный долгое время не способен к движению. Он слаб, несовершенен и почти жалок, потому что не может говорить на языке своего вида. Маленькие котята мяукают, ягнята блеют, жеребенок ржет; их слабые голосочки изредка нарушают тишину. Время, которое животные используют для роста, коротко. Ведь можно сказать, что инстинкт, определяющий действия молодых животных, обеспечивает детенышу жизнь. Известно заранее, каким образом будет прыгать тигренок, как будет скакать козленок, едва выпрямившись. Каждое существо, которое рождается на свет, – это не только материальное тело. У

него уже есть функции, которые зависят не от физиологических органов, а от инстинктов. Все эти инстинкты находят выражение в движениях и представляют собой видовые признаки, неизменные и определенные в сравнении с формой тела. Животное характеризуется не столько формой, сколько образом своего движения.

Все эти признаки, которые не относятся к вегетативным физическим процессам, мы можем охарактеризовать в итоге как психические. Как уже сказано, они включаются уже в момент рождения у всех животных. Почему же такое не происходит у новорожденного человека? Существует научное мнение, согласно которому инстинктивные движения животных рассматриваются как следствие опыта, приобретенного и унаследованного их предками. Но почему же тогда человек наследует от своих предков так мало? Ведь как вид человек был всегда прямоходящим и говорил с помощью органов речи, так что это могло бы передаваться по наследству. Было бы абсурдным считать, что человек, будучи единственным одушевленным существом и отличаясь от других созданий прежде всего величественностью своей духовной жизни, не несет в себе духовного плана своего развития. Здесь возникает одно противоречие, за которым прячется истина. Очевидно, духовность человека запрятана где-то так глубоко, что не может оповестить о себе подобно инстинкту животного, который с самого начала выражается в заранее определенных заданных действиях.

Тот факт, что у человека нет конкретных и заранее определенных руководящих инстинктов, как в случае с животными, означает наличие известной свободы действий, которая может лишь постепенно вызревать. При этом можно говорить о действиях, которые предоставляются каждому индивиду и не предопределены заранее. Сравним изготавливаемые человеком предметы. Изготовленные серийно, скоростным способом, с помощью отливных форм или машин, они в точности похожи друг на друга. Но другие вещи, произведенные вручную и требующие большего времени на изготовление, – оригинальны и неподражаемы. Ценность произведенной вручную вещи состоит в том, что каждая такая вещь несет в себе что-то от руки творца, ее изготовившего, будь то рука прилежной вязальщицы или, как в случае с произведением искусства, рука гения.

Психическое отличие животного от человека можно охарактеризовать так: животное – это «продукт», изготовленный поточным конвейерным способом. Каждая особь репродуцирует одинаковые для всего вида признаки. Человек же подобен

изготовленной вручную вещи: каждый отличен от всех других и в каждом живет присущий только ему творческий дух, который создает из человека художественное произведение природы. Но работа эта длительная и затяжная. Здесь речь идет не просто о воспроизводстве конкретного вида, а о создании чего-то фундаментально нового, и это происходит в процессе внутреннего созревания до появления внешних признаков. Каждый новый человек – загадка, которая готовит нам сюрпризы, длительное время не обнаруживая себя. Это похоже на произведение искусства, которое его создатель хранил долгое время взаперти в своей рабочей комнате. Прежде чем представить на суд зрителей, он наполнил его содержание своими личными качествами.

Строительная работа по формированию человеческой личности есть таинственный процесс становления. Младенец, который не может двигаться, загадка для нас. В его теле, как у всех живых существ, сокрыт сложнейший механизм, но этот механизм принадлежит только ему. Его собственная воля – это то, что должно помочь ему в становлении.

То, что таинственно называется плотью, есть многообразие двигательных органов, которые на языке психологии называют произвольными мускулами. Это определение говорит само за себя: мускулы приводятся в движение волей. Ничто другое не может лучше объяснить связь движения с духовной жизнью. Воля была бы бессильна, если бы она не располагала своими органами как собственным инструментом.

Ни одно животное, ни одно простейшее насекомое не могло бы следовать своим инстинктам, если бы оно не владело своими органами движения. У более совершенных форм, особенно у человека, система мускулов так сложна и количество мускулов так велико, что студентам, изучающим анатомию, следует сказать: «Чтобы запомнить все названия мышц, их нужно препарировать по крайней мере семь раз». Кроме того, совершая сложные движения, мускулы должны тесно взаимодействовать. Одни из них действуют согласно импульсам, другие остаются пассивными. Одни мышцы способны воздействовать на пищеварительный процесс, другие же осуществляют внешние контакты. И все эти мышцы функционируют по-разному. Но мышцы совершают свою работу в полной гармонии.

Внешний стимул направляет каждый импульс, и эта корректировка сопровождает его постоянно. Деятельность сокращающихся мышц не обходится без разгибательных мышц, а результатом становится единое, часто сложнейшее движение – движение акробата или движение рук скрипача, смычок которого

совершает бесконечно тонкие действия.

Каждое движение есть результат противоположных действий. Словно хорошо обученные войска, они противостоят друг другу. Можно было бы сказать, Создатель не полагался полностью на одну только природу и поэтому, возможно, передал самые высокие задачи – построение и управление – энергиям индивида, тем энергиям, которые накапливает природа. В этом – основа человеческого развития: духовность человека должна пройти период становления во плоти, чтобы открыть и сделать возможной дорогу по жизненному пути. Этот процесс становления плоти представляет собой первую главу в жизни ребенка.

Становление плоти происходит по неким психическим направляющим и тем самым должно дать ребенку духовную жизнь, которая предшествует жизни моторной. Духовная жизнь опережает каждое выражение восприятия и никоим образом не зависит от него.

Было бы большим заблуждением верить, что ребенок имеет слабые мускулы и потому не может держаться прямо. Точно так же неправильно и другое представление, что по природе ребенок не способен координировать работу своих мускулов.

Мускульная сила по воспроизведению движения и противостояния ему четко распознается. Не может быть ничего более сложного, чем скоординированная игра задействованных в актах сосания и глотания мышц, которая начинает функционировать с самого первого момента. Но в отличие от движения детенышей животных, природа пожелала освободить движения человеческого дитя от диктата инстинктов. Инстинкты отступают, мускулы напряженно и послушно ожидают новых приказаний или голоса воли, чтобы, создавая движения, служить человеческому духу. Их задача не только в том, чтобы выражать признаки вида, но и душу индивида.

Конечно, у человека есть некоторые инстинкты, которые должны помочь образованию основополагающих признаков вида. Заранее известно, что каждый ребенок будет ходить, выпрямившись, и что он будет говорить. Но, впрочем, личные качества проявляются так неожиданно, что снова и снова загадывают нам загадки.

Мы можем предсказать, что станет с каждым животным, когда оно подрастет: газель станет превосходной бегуньей, слон – медлительным и неуклюжим, тигренок – хищником, а крольчонок – грызуном-вегетарианцем.

Но только человек способен на все, и в мнимом бездействии он готовит свою индивидуальность к неожиданным чудесам. Его

артикуляционный аппарат дает о себе знать, но мы еще не знаем, какая у него будет речь. Он будет говорить на языке, который внимательно впитывал из внешнего окружения. Он начнет с невероятным устремлением формировать звуки, затем слоги и, наконец, слова. Силой своей воли он станет выстраивать те функции, которые будут служить ему для связи с окружением, чтобы сотворить совершенно новое существо.

Издавна утверждалось, что ребенок в первое время после своего рождения пассивен и лежит целыми днями напролет. Этот факт давал повод появлению некоторых философских точек зрения. Но ни врачи, ни психологи, ни воспитатели не обращали на них должного внимания.

В практической же жизни эти странности детской природы имели многие последствия, которые оценивались как в высшей степени опасные для духовной жизни ребенка. Ошибочно понималось, что не только мускулы и плоть ребенка, но и сам ребенок пассивен и лишен всякого психического содержания. Впоследствии взрослые увидели великолепные демонстрации детской психики. Они решили, что душа развивается вследствие ухода и помощи. Большинство взрослых считает себя творцами, формирующими ребенка, строителями его психического бытия. Они думают, что могут совершенствовать свое творческое создание, в которое они закладывают стимулы, дают ему направления и рекомендации, мечтая таким образом развить в нем умственные способности, чувства и волю.

При этом взрослый присваивает себе чуть ли не божественную власть. Он считает, что он для ребенка – бог и в свое оправдание придумал даже историю сотворения. «Я хочу создать человека по моему образу и подобию», – сказал он, обращаясь к самому себе. Гордыня стала первым грехом человека. Это желание поставить себя на место Бога охватило весь род человеческий. В действительности же ключи к разгадке индивидуального бытия ребенок имеет в самом себе. В его распоряжении план духовного построения, содержащий предопределенные пути развития. Но в самом начале этот план не проявляется. Взрослый начинает преждевременно воздействовать на ребенка своей волей. Его личные представления о собственной абсолютной власти над ребенком разрушают этот план или пускают развитие по ложному пути.

Так с самого начала руками взрослого уничтожается Божественное намерение, и человек из поколения в поколение развивается как духовный калека.

В этом основная жизненная проблема человечества. Нам следует понять, что у ребенка появляется духовная жизнь уже

тогда, когда он еще не в состоянии заявить о себе и должен работать над своим развитием еще долгое время.

И нам откроется впечатляющее видение: заключенная в темноту душа старается попасть на свет, родиться, чтобы расти и оживлять снова и снова по велению своей воли свою упрямую плоть до тех пор, пока она со стремительной силой не пробьется к свету сознания. Но ее поджидает существо, обладающее чудовищной властью, которое тут же запаковывает ребенка и своими грубыми движениями может едва ли не раздавить его – это взрослый.

Окружение новорожденного не готово достойно принять это чудо становления человеческой сущности, ведь никто не замечает и не ожидает его. В период становления плоти ребенок – это духовный эмбрион, который должен жить на средства своей среды. Физическому эмбриону необходима особая среда в организме матери. Точно так же духовному эмбриону необходима защита живой, согретой теплом, богатой питанием среды, в которой все устроено так, чтобы способствовать его росту и ничем не препятствовать развитию. Если взрослый хоть однажды поймет это, то тогда он в корне изменит свое поведение по отношению к ребенку. Ребенок, этот духовный эмбрион, своим желанием вырасти духовно наложит на нас новую ответственность.

Это маленькое, нежное, мужественное тело, за которым ухаживаем, крепко держим на руках, как игрушку, вызывает наше благоговение. Становление плоти осуществляется с таинственным усердием. Вокруг этой творческой работы разыгрывается невиданная доселе драма.

Ни одно существо не может своим поведением воздействовать на материю и выражать свои желания, не имея сформированной воли. Неуверенная нежная жизнь продвигается понемногу вперед, ближе к осмыслению, и ее чувства соприкасаются с окружающей средой. Воля направляет свои указания мускулам.

Это ведет к обмену между индивидом, лучше сказать, духовным эмбрионом, и окружающим миром. В этом обмене индивид формируется и совершенствуется. Эта строительная деятельность соответствует функции того пузырька, который представляет в физическом эмбрионе сердце, обеспечивая развитие и питание всего эмбриона, и при этом заимствует необходимые питательные вещества кровеносных сосудов матери. Душевная индивидуальность развивается посредством работы такого мотора, который поддерживает связи с окружающей средой. Все устремления ребенка нацелены на то, чтобы абсорбировать окружающий мир. Из этих усилий вырастает

глубоко заложенное единство его личности.

Дух-разум постоянно наблюдает. Ведя замедленную и пошаговую работу, дух постоянно совершенствуется, он за инструментом. Его цель – демонстрировать свое господство и препятствовать тому, чтобы движение затерялось в лености или стало механическим. Он должен постоянно приказывать, освобождать движения от преобладания заданных инстинктов и при этом все же не довести до хаоса. Это стремление ведет к тому, что в ребенке развиваются новые строительные энергии для становления духа.

Так человеческая личность создает сама себя из эмбриона, и ребенок становится творцом или, лучше сказать, отцом человека. Что делают отцы и матери в действительности? Вклад отца ограничивался единой клеткой. Помимо своей клетки мать готовит необходимую живую защищенную среду, чтобы клетки могли делиться и чтобы в конце концов родился новорожденный. Но не совсем правильно называть отца и мать творцами ребенка. Лучше было бы сказать так: строителем человека является ребенок. Ребенок – отец человека.

Мы должны свято уважать силу, устремленную к совершению этой цели, и с надеждой ожидать ее проявления. В этот период формируется будущая личность индивидуума. Ответственность взрослого так велика, что перевоплощается в обязанность исследовать со всей научной обоснованностью душевные потребности ребенка и подготавливать для него соответствующее окружение.

Речь идет о науке, которая находится еще в самом начале своего пути. Ей необходимо развиваться и дальше. Взрослый должен изменить свое понимание ребенка, прежде чем сказать свое последнее слово о процессе формирования человека. Это последнее слово станет первым словом, с которого будет начинаться пустой лист человеческой истории.

Глава 7
Построение детской души

Сензитивные периоды. С недавних пор стало возможным говорить о средствах выражения чувствительности маленького ребенка, ведущей к скрытому изначально духовному построению.

Несмотря на то, что ранняя детская духовная жизнь трудно уловима, как нам это говорит пример с развитием речи, было бы неверным отрицать ее наличие. Это ведет к предположению, что речь в детской душе полностью заранее сформирована, хотя ее моторные органы не достигли зрелой способности к выражению. Действительно, сначала формируется лишь устройство для воспроизведения речи. Похожее происходит со всеми проявлениями духовной сферы, где речь представляет лишь внешнюю демонстрацию. У ребенка проявляются созидательное поведение и потенциальные энергии, способные построить его духовный мир на основе впечатлений из окружения.

Чрезвычайный интерес вызывает у нас недавнее открытие в биологии, согласно которому в развитии живого организма существуют определенные периоды восприимчивости (сензитивные периоды). В чем состоит и как протекает развитие, рост живого существа? Когда говорят о развитии и росте, то с этим связывают некий внутренний механизм, который складывается из нескольких частей. Современная наука внесла сюда два существенных открытия. Одно из них – открытие желез внутренней секреции, от которых зависит физический рост. Оно

оказало мощное влияние на науку по оздоровлению ребенка и вызвало тем самым признание. Другой вклад состоял в обнаружении определенных периодов повышенной восприимчивости, что дало новые возможности для понимания процесса духовного роста.

Голландский ученый Х. де Фрис открыл периоды особой чувствительной восприимчивости у животных. В наших школах нам удалось установить эти сензитивные периоды в развитии детей и определить в связи с этим цели воспитания. Речь идет об особой чувствительности в развитии, которая встречается в раннем возрасте у живых существ. Она имеет ограниченное рамками время протекания и служит тому, чтобы облегчить живому существу овладение каким-либо навыком или умением. Как только ребенок осваивает какое-либо умение, то соответствующий ему вид чувствительности исчезает. Так на основе импульса и в течение узко ограниченного времени развиваются особенности характера. Причем это не какое-то неопределенное становление, унаследованное и данное живому существу от рождения, а результат систематической и тщательной внутренней работы, которую ведут проявляющиеся инстинкты. Эти инстинкты побуждают живое существо в определенной стадии его развития к такому подъему энергии, который часто решительно отличается от подъема энергии взрослого индивида. Х. де Фрис установил сензитивные периоды сначала у насекомых, развитие которых делится на особые открыто обнаруживающие себя периоды. Они проходят через метаморфозы, которые хорошо наблюдаются в экспериментальных лабораторных условиях.

Приведем пример из Фриса: возьмем гусеницу самой обыкновенной бабочки. Известно, что гусеницы очень быстро растут, много едят и поэтому вредны для растений. Фрис указал, что в первые дни своей жизни они едят не большие листья растений, а только нежнейшие листочки на концах веток.

Бабочка откладывает свои яйца в месте, где от ствола отходят сучья, потому что оно надежно защищено. Кто подсказывает молодым, только что вылупившимся из яичек крохотным гусеницам, что нежные листья, нужные им для питания, находятся на отдаленном конце ветки? Какую сильную чувствительность к свету имеет гусеница! Свет притягивает, привлекает ее. Молодая гусеница стремится к ярко освещенным концам веток, производя свои характерные подпрыгивающие движения. Там она находит нежные листья, которые утоляют ее голод. Но странно то, что по окончании этого периода гусеница будет питаться по-другому, и тогда она теряет свою

восприимчивость к свету. Вскоре она становится совершенно равнодушной к нему. Инстинкт отмирает. Он уже сослужил свою службу. Гусеница ищет теперь питательные вещества другими путями.

Нельзя сказать, что гусеница теперь не чувствует свет и что в физиологическом смысле она становится невосприимчивой к нему. Но теперь она больше не обращает на свет никакого внимания.

У личинки бабочки наступает далее другой период развития чувствительности: она превращается в голодное прожорливое существо, которое поглощает растительность вокруг. Далее у личинок наступает время поста, и они сооружают для себя строения, похожие на саркофаги, в которых хоронят свои безжизненные тельца. Здесь мы снова можем наблюдать целеустремленную интенсивную работу: в этом укрытии происходит последняя фаза развития бабочки, в которой она готовит свои красивые крылья.

Известно, что личинки пчел проходят через стадию, в которой каждая из них, если она – женская особь, может стать царицей. И все же семья выбирает из всех одну-единственную личинку, и только для нее рабочие пчелы готовят особую питательную субстанцию, которую зоологи называют «царской пищей». Избранница, питаясь этой царской пищей, станет царицей всего сообщества. Если через некоторое время пчелиный народ захочет сделать царицей новую личинку, то это будет невозможно: время усиленного питания уже прошло и тело личинки не имеет больше способности к такому особенному развитию. Отсюда открывается путь к пониманию развития человека, имеющий для ребенка решающее значение. С одной стороны, у человека происходит внутренний толчок, ведущий к достойным восхищения достижениям, а с другой – бывает период равнодушия, который делает его слепым и неспособным к достижениям. Взрослый никоим образом не может воздействовать извне на эти основополагающие стадии развития.

Но если у ребенка нет возможности действовать согласно внутренним директивам того или иного периода внутренней чувствительности, то он упускает возможность овладеть каким-либо умением естественным путем. И эта возможность уходит навсегда.

То, что совершает ребенок во время своего развития, похоже на чудо, и только потому, что это чудо привычно совершается перед нашими глазами, нас оно не трогает. Как рожденный из ничего ребенок начинает ориентироваться в этом сложном мире? Как ему удается без вмешательства взрослого научиться

различать предметы между собой или освоить речь со всеми ее тончайшими особенностями? Это все ребенок совершает, скромно и радостно живя изо дня в день, в то время как взрослому для ориентации в новой среде необходима разнообразная помощь. Изучение нового языка требует от него упорной работы, и тем не менее он никогда не освоит речь так, как освоил родной язык в детстве.

В периоды восприимчивости ребенок осваивает определенные навыки и умения. Эти периоды можно сравнить с прожектором, освещающим ясно, как днем, внутреннее содержание какой-либо области. На основе этой особой восприимчивости ребенок налаживает чрезвычайно интенсивную связь с внешним миром. С этого момента он усваивает все новое легко, вдохновенно, живо. Каждое усилие дает мощный прирост. Если ребенок усваивает за текущий сензитивный период какие-либо навыки, то далее душа ребенка отгораживается от мира завесой равнодушия и усталости.

Но едва погаснет пламя одной страсти, как уже возгорается пламя другой. Так ребенок шагает вперед от завоевания к завоеванию, шагает с беспрерывной вибрацией жизненных сил, которые мы все знаем в нем и характеризуем как «радость и счастье детства». В этом ярком духовном огне, который горит, не потухая, совершенствуется сотворенное духовное произведение человека. Когда период восприимчивости заканчивается, то последующих успехов можно добиться только в рефлектирующей деятельности, с большими затратами силы воли, усилий и усердия. Но в состоянии глухоты работа для ребенка становится утомительной. В этом состоит основное существенное различие между психологией ребенка и взрослого.

Итак, существует особая внутренняя сила, которая объясняет чудесные естественные достижения ребенка. Если ребенок в ходе протекания периода восприимчивости наталкивается на какие-либо препятствия в своей работе, то в душе его происходит настоящее крушение. Последствием становятся душевные мучения, которые мы не научились еще хорошо понимать. Полученные раны люди носят в себе на протяжении всей жизни, не подозревая об этом.

Внутренняя работа роста, означающая овладение ребенком той или иной деятельностью, не находила нашего полного признания. Но большой накопленный опыт показал нам, как болезненно и резко реагирует ребенок, когда на его пути встречается препятствие извне. Так как мы не знаем причин такой реакции, мы незамедлительно принимаем ее за необоснованную. Мы считаем ее сопротивлением ребенка нашим попыткам успокоить его. Но взрослый никоим образом не может

воздействовать извне. Неопределенное слово «капризы» служит характеристикой очень разных явлений. Все, что имеет непонятную причину, что кажется нелогичным, для нас – «капризы». И все же капризы не стоит укрощать. Мы должны также констатировать, что некоторые из этих капризов имеют тенденцию со временем усиливаться все больше и больше. Нам нужно видеть, на чем основаны капризы, почему мы не нашли еще метода их исцеления.

Открытие сензитивных периодов прояснило нам причину капризов. Конечно, для внутренней борьбы есть всевозможные причины. Немало капризов является следствием отклонений от нормы. Их неправильное лечение приводит к ухудшению. Те же капризы, причины которых следует искать во влиянии периодов особой чувствительности, проходят быстро, как и сами эти периоды, не оставляя в характере ребенка ни одного сколько-нибудь стойкого следа. Но взамен они влекут за собой серьезные последствия неполного развития. Упущенное никогда более не восстанавливается в характере ребенка.

Капризы, проявляемые ребенком во время протекания периодов восприимчивости, представляют собой выражение неудовлетворенных потребностей и образуют тревожные знаки неправильного, опасного душевного состояния. Они тут же исчезнут, когда нам удастся понять скрытые потребности ребенка и удовлетворить их. Тогда можно увидеть неожиданно наступающее успокоение, подобное освобождению от болезненного возбуждения. Итак, за каждым проявлением ребенка, которое мы называем капризом, следует искать его причину. Однажды увидев ее, можно глубже проникнуть в полные тайн глубины детской души и внести вклад в создание мирного доверительного отношения между нами и ребенком.

Влияние сензитивных периодов. Попробуем, словно подглядывая в замочную скважину, проследить сенизитивные периоды ребенка, в течение которых проходит его духовная жизнь. Мы увидим, если можно так сказать, внутренние органы этой души, порождающие психический рост, в действии. Становится очевидным, что духовное развитие происходит не случайно и вызвано не столько накоплением внешних впечатлений, сколько сменой периодов восприимчивости или временно действующих инстинктов, с которыми связано овладение какими-либо умениями. Окружающая среда служит материалом, но не является при этом строительной силой. Она только поставляет необходимые средства и сравнима с жизненно важными веществами, которые тело получает извне. Внутренняя

чувствительность ребенка определяет, что конкретно из всего многообразия предметов окружающей среды он должен воспринимать и какие ситуации полезны для данной стадии его развития. Она воздействует на ребенка таким образом, что на одни вещи он обращает внимание, а на другие – нет. Эта чувствительность вспыхивает, словно из нее исходит луч света, освещающий только определенные предметы, оставляя другие в темноте. Весь воспринимающийся ребенком мир ограничен в этом случае одним ярко освещенным участком. Ребенок чувствует живую потребность вмешаться в определенную ситуацию и иметь перед собой конкретные предметы. Он развивает особую, единственную в своем роде способность использовать эти предметы на службу своему духовному росту. Во время протекания такого периода происходит обучение умению ориентироваться в своем окружении или умению точнейшего овладения своей моторной мускульной системой.

Здесь, в этих чувствительных отношениях между ребенком и миром, находится ключ к глубокому таинственному пласту, в котором совершается чудесный рост духовного эмбриона.

Мы можем себе представить эту великолепную творческую деятельность как чередование внезапно появляющихся из подсознания сильных эмоций, которые при соприкосновении с окружающим миром ведут к формированию человеческого сознания. Их путь проходит через деятельность от некой неопределенности к четкой определенности, как в случае овладения речью.

Сначала ребенок воспроизводит неправильные звуки, нагроможденные друг на друга. Ребенок прислушивается к звукам еще непонятного ему языка и буквально очаровывается ими. Его духовный мир, в котором нет пока мыслей, воспринимает язык как музыку и наполняется им. Словно электрический удар проходит по мускулам ребенка – не по всем, а лишь по тем, которые не могут еще порождать ничего другого, кроме бесформенного крика. Эти группы мышц пробуждаются и начинают равномерно и послушно работать. Вновь заведенный порядок их деятельности изменяет рождающиеся звуки. Это имеет значение для последующего развития духовного эмбриона, хотя ребенок живет только настоящим и концентрируется именно на этом. Он еще не знает, к каким завоеваниям призывают его звуки речи.

Ухо ребенка начинает распознавать новые импульсы, и язык двигается согласно им. Язык, который до этого момента участвовал только в акте сосания, соприкасается с гортанью, губами, скользит по щекам. Кажется, в этом не заключена никакая

полезная цель. Ребенок производит такие движения лишь потому, что чувствует при этом непередаваемое чувство наслаждения.

Это рождающееся в нем жизненное чувство выражается всем его телом, когда он, с напряженными членами, со сжатыми кулачками, приподнимает голову и направляет взгляд на двигающиеся губы говорящего взрослого.

Так каждый период чувствительности кажется божественным дуновением, который оживляет разумом мертвую материю. В ребенке разыгрывается драма, и это есть драма любви. Она представляет собой единственную великую реальность детской духовной жизни и полностью наполняет ее. Эта величественная строительная деятельность ребенка, которая оставляет неизгладимые следы и предопределяет будущую жизнь человека, совершается в смиренном молчании, в тайне от нас.

Все происходит спокойно и незаметно до тех пор, пока внутренняя потребность ребенка не достигнет необходимого согласования с окружением. Вернемся еще раз к формированию речи, одному из сложнейших завоеваний ребенка, которому также соответствует свой период чувствительности. Вся подготовительная работа остается невидимой, так как ребенка всегда окружают разговаривающие люди, поставляющие ему элементы для построения речевых навыков. Единственным признаком, по которому можно узнать начало сензитивного периода развития речи, является улыбка ребенка и его искренняя радость, когда с ним разговаривают короткими, ясными, узнаваемыми им словами или поют колыбельную песенку с теми же словами. В этом состоянии счастливого умиротворения ребенок покидает мир своего сознания, чтобы погрузиться в тишину сна. Мы хорошо знаем это и поэтому называем ребенка ласковыми словами, чтобы дождаться его жизнерадостной улыбки. С тех пор, как существует человеческая мысль, родители подходят каждый вечер к кровати ребенка, но они скупятся на слова и музыку, словно обращаются к умершему.

Это, так сказать, позитивные признаки наступления этого периода восприимчивости. Но есть и другие, часто проявляющиеся признаки негативного свойства. Они проступают тогда, когда в окружающей среде возникают препятствия по отношению к внутренним функциям. Переживание периода восприимчивости может вызвать сильное отчаяние ребенка, которое мы считаем беспричинным, и потому называем капризом. Капризы являются выражением духовного беспокойства и неудовлетворенных потребностей. Душа пытается потребовать другого подхода к ней и защищается от непереносимого состояния.

Не скоординированная двигательная активность ребенка сравнима с той высокой температурой, которая без причины неожиданно возникает у детей. Известно, что небольшое нарушение здоровья, которое взрослый счел бы близким к нормальному, часто воздействует на маленьких детей повышением температуры. Мы имеем в виду необычную температуру, которая столь же быстро исчезает, как и возникает. Точно так же незначительные причины вызывают в духовной жизни детей сильные возбуждения, когда ребенок имеет повышенную чувствительность. Такие реакции мы часто наблюдаем. Да, детские капризы, которые порой возникают уже непосредственно после рождения, можно расценивать как доказательство врожденной пагубности человеческого рода. И если мы будем рассматривать каждое функциональное нарушение тела как болезнь, тогда и нарушение духовных функций должно оцениваться как болезнь души.

Ребенок чаще всего проявляет свое недовольство посредством каприза, потому что это в первую очередь болезненно бросается в глаза. Обычно никогда не заостряют внимания на спокойном состоянии ребенка и не размышляют о нем. Напротив, задумываются о бунте и смятении ребенка. И поэтому никто не обращает внимания на почти незаметные внешние признаки сотворенного природой произведения, которые сопровождают его жизнь, и на функции, которые служат их сохранению. Все, что служит созданию и сохранению, в большинстве случаев остается сокрытым.

Нечто похожее происходит с предметами, которые производит человек. Они помещаются в витрину, когда уже изготовлены. Мастерские же, в которых они возникли, остаются для публики закрытыми, хотя могли бы быть интереснейшими для нее. Функционирование различных внутренних органов в живом теле заслуживает большого восхищения. Но мы не можем их видеть, потому что никогда не ощущаем. Сам индивид, у которого они есть и благодаря которым он живет, не замечает их удивительной организации. Но природа работает и не велит при этом, согласно христианским предписаниям, «правой руке знать, что делает левая». Гармоничное равновесие взаимодействующих энергий мы называем «здоровьем» или «нормой». Здоровье является победой целого над частями, целью причинности.

Мы следим за каждым проявлением болезни, в то время как чудесное воздействие оздоровления часто остается без внимания и не оценивается.

Поэтому не вызывает удивления, что в ребенке обнаруживались прежде всего душевные болезни, в то время как

нормальное функционирование детского духовного мира оставалось в тени. Удивительно, но не безрассудно утверждение: взрослый познакомился лишь с заболеваниями детской души, а не с ее нормальным состоянием. Духовность ребенка остается закрытой, как и многие скрытые энергии Вселенной.

Здоровый ребенок похож на мифического человека, а, значит, сотворенного по образу и подобию Божьему. Этого человека никогда никто не видел, поскольку нам известен только испорченный с самого начала его потомок.

Если ребенку не помогают, не создают необходимую подготовленную среду, его духовная жизнь находится под постоянной угрозой. Ребенок, брошенный на произвол судьбы, сразу выпадает из жизни. Он борется за свое духовное становление. Эта борьба разыгрывается в его подсознании, и чем меньше реального, тем больше роковых последствий может иметь индивид для своего целостного формирования.

Взрослый не помогает ребенку, потому что ничего не знает о восстании сил, которое происходит в ребенке. Поэтому он не замечает чуда творения, совершаемого существом, не имеющим, по его мнению, никакой духовной жизни.

Нам нужно найти новый способ излечения ребенка, организму которого до сегодняшнего дня предоставляется лишь вегетативный, пустой уход. Мы должны учиться выносить на передний план духовную жизнь ребенка и тем самым помогать его становлению. Взрослый не имеет права оставаться слепым по отношению к реально существующей в новорожденном духовности. Конечно, он не может помочь малышу построить себя, потому что об этом заботится сама природа. Но он должен уважать сам процесс этой строительной работы и подготавливать необходимые для этого средства, которые ребенок не может создать собственными силами.

Если это так, если маленький ребенок со своими скрытыми силами для нас все еще тайна, как и его духовная жизнь с ее функциональными нарушениями и болезнями, то необходимо признать существование большого числа духовно больных индивидов. Когда еще не существовало детской гигиены, происходило большое число смертельных случаев. Но среди выживших было огромное количество слепых, больных рахитом, калек, парализованных, уродов и предрасположенных к инфекционным заболеваниям индивидов.

У нас не создана еще духовная гигиена, мы не понимаем, как подготовить для новорожденного защищающее и спасающее окружение, потому что не знаем скрытых функций детской духовной жизни и стремления ребенка к духовной гармонии.

Последствием этого являются огромное количество мертвых, искалеченных, слепых, слабых, отсталых в развитии душ – с высокомерием, жаждой власти, вспыльчивостью, с путаницей в голове, со всеми теми чертами характера, которые получают развитие, если в духовном мире ребенка происходит сбой. Эта картина – не ораторский прием или сравнение. Это ужасающая правда о том сегодняшнем духовном состоянии человека, которое стало выражением вчерашнего психического состояния.

Мелкие причины, которые проявлялись там, где брала свое начало жизнь, могут иметь далеко идущие последствия. Проще говоря, человек, вырастающий и созревающий в неприемлемой для него духовной среде, лишил себя райской жизни.

Наблюдения и примеры. На основе научных экспериментов, которые проводит экспериментальная психология, невозможно доказать существование духовной жизни в маленьком ребенке. Некоторые современные психологи предпринимали такие попытки. С помощью раздражителей они будили внимание ребенка, ожидая некую моторную реакцию, которая должна была открыть тайны психики.

Никто не сможет доказать, что в определенном возрасте (еще до окончания первого года жизни) взаимосвязь между разумом и органами движения уже отлажена. В любом случае, и эмбриональная духовная жизнь должна существовать раньше, чем какое-либо волевое проявление движения.

Уже первый импульс к движению происходит у ребенка под влиянием чувства. Совсем маленький ребенок страстно желает дотронуться до предмета, к которому он напряженно тянет весь свой корпус. Однако лишь намного позднее он будет в состоянии, используя свои потенциальные возможности, координировать движения, отделяя различные группы мускулов друг от друга, и рука сможет дотянуться до желаемого предмета. Ребенок четырех месяцев уже внимательно рассматривает рот говорящего, воспроизводя неопределенные движения, хорошо держа при этом голову, влекомый, очевидно, этим интересным феноменом. Лишь к шести месяцам ребенок начнет сам артикулировать некоторые звуки. И как только он начинает озвучивание артикуляции, у него становится заметным появление интереса к соединению звуков. Вступает в силу скрытая деятельность по оживлению собственных речевых органов, что снова доказывает, что духовный стимул предшествует. Такую чувствительность благоразумнее наблюдать, а не исследовать посредством экспериментов. Опыты приверженцев экспериментальной психологии исследуют внешние факторы, которые раньше времени будят определенные

детские энергии, вредя здоровью и духовному развитию ребенка.

Наблюдения за детской жизнью нужно проводить так же, как Фабр наблюдал насекомых. Он жил среди них в их среде, прячась, чтобы ничем не нарушить нормальное течение жизни наблюдаемых живых существ. Ребенка же можно начинать наблюдать с того момента, как только его чувства станут сознательно «выхватывать» впечатления внешнего мира и собирать их.

При этом не требуется ни сложного оборудования, ни особых навыков, ни каких-то проницательных умений в толковании. Достаточно внутренней готовности идти на помощь детской душе. Этой логики вполне хватает, чтобы преобразовать нас в союзника ребенка.

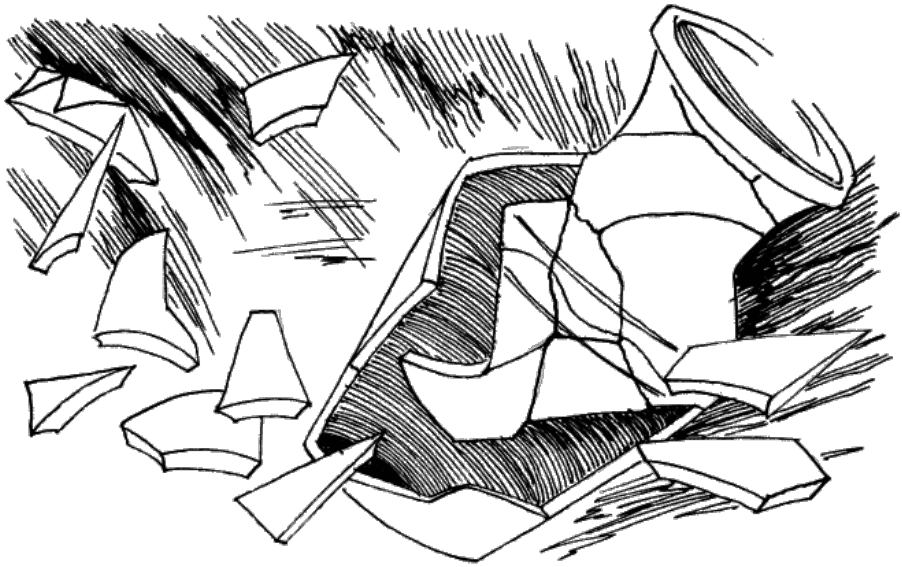
Хочется привести пример того, как проста эта задача. Мы хотим при этом исходить из особенной, часто встречающейся детали. Считается, что маленький ребенок должен постоянно лежать, потому что он не в состоянии еще держаться на ногах. Он должен получать свои первые впечатления из окружающего мира – впечатления о небе и земле. Но в то же самое время ему запрещают взглянуть на небо. Что ему разрешают видеть – так это в лучшем случае белый и гладкий потолок комнаты или балдахин над его кроваткой. Тогда как же предоставить голодному разуму впечатления?

Мы знаем, ребенку необходимо видеть, что происходит вокруг. Ему показывают какие-то предметы, которые должны разрушить вредную для него изоляцию от внешнего мира. Так, подвязанный над кроваткой на нитке шарик маячит перед глазами ребенка и имеет целью развлечь новорожденного. Он, жадный до впечатлений, водит глазами за перемещающимся туда-сюда предметом, и поскольку еще не может поворачивать голову, его глаза вынуждены делать усиленные неестественные движения. Эти вредные для зрения усилия есть результат неправильного, неестественного положения, в которое ставят ребенка.

Достаточно было бы подложить под него какую-нибудь легкую опору, и тогда его взгляд может охватить все вокруг. Еще лучше поставить кроватку в саду, где перед его глазами были бы качающиеся деревья, цветы и птицы.

При этом необходимо, чтобы в поле зрения ребенка постоянно были одни и те же предметы, потому что лишь тогда он сможет изучать, а впоследствии и находить предметы на новом месте, а также следить за движением живых существ.

Глава 8
Чувство порядка



Один из важнейших и самых таинственных сензитивных периодов – это время, когда ребенок становится восприимчивым к порядку. Его проявления заметны уже на первом году жизни малыша и продолжаются на втором. Может быть, это звучит странно, но ребенок в этот период реагирует на внешний порядок вопреки общему убеждению, что по своей природе он неупорядочен.

Трудно своевременно распознать эту хрупкую способность ребенка, если он живет в закрытом пространстве городской квартиры, полной больших и мелких предметов. Взрослый постоянно убирает и переставляет их по причинам, непонятным ребенку. В это время в нем развивается чувствительность к порядку, но она наталкивается на сопротивление, и это вызывает в детской душе смущение. Не потому ли малыш начинает плакать без видимых причин, не желая успокоиться? Как мало знают взрослые о глубоких тайнах души маленького существа, которое живет с ними рядом!

Маленькие дети демонстрируют характерную любовь к порядку. В возрасте от полутора до двух лет они уже ясно выражают, иногда в путаных формах, потребность к порядку в окружающей их среде. Ребенок не может жить в беспорядке, который мучительно переживает, и эта мука выражается в

отчаянном плаче, в состоянии довольно продолжительного волнения, которое может пробудить настоящую болезнь. Малыш тут же замечает нарушение порядка, который взрослые могут легко просмотреть. Совершенно очевидно, что ребенок обладает восприимчивостью к порядку, которая с течением времени исчезает. Характерная для развития думающего существа чувствительность к порядку ограничена во времени. Речь идет при этом об одном из важнейших и полном таинств сензитивном периоде.

Если в этот период окружающая среда не приспосабливается для ребенка, и он живет среди взрослых, они могут увидеть очень интересные знаки этой чувствительности, которые характеризуются появлением страха, непонятного поведения и капризов, а не спокойным развитием.

Взрослому хочется удостовериться в том, что ребенок демонстрирует позитивную чувствительность – выражает воодушевление и радость, удовлетворяя свою потребность в порядке. Для этого он должен владеть знаниями по детской психологии, которые необходимы уже в первые месяцы сензитивного периода порядка. Наши няни, которым мы доверяем, сообщают нам о примерах. Так, одной такой няне бросилось в глаза, что ребенок пяти месяцев, которого она медленно везла в коляске на прогулку, проявил интерес и радость при взгляде на белую мраморную плиту на желтой стене. Хотя сад был наполнен красивыми цветами, ребенок демонстрировал радостное волнение, проезжая мимо этой мраморной плиты. Няня останавливалась каждый день перед этой плитой, и никто не предполагал, что она может интересовать ребенка пяти месяцев. Совершенно очевидна радость ребенка по поводу того, что этот предмет постоянно обнаруживается на своем привычном месте. Действие этого сензитивного периода можно узнать по реакции ребенка на нарушение узнаваемого привычного порядка.

Другая маленькая семейная сцена с шестимесячным ребенком в качестве главного героя. Однажды в детской комнате появилась некая дама и положила свой зонтик на стол. Ребенок заволновался, но не из-за дамы, а из-за зонтика, потому что он некоторое время смотрел на него, а затем заплакал. Дама расценила это как желание ребенка заполучить зонтик и быстро протянула его малышу, улыбаясь и произнося ласковые слова. Но ребенок оттолкнул зонтик и продолжал кричать. Что делать? Очевидно, что изменилось настроение, которое можно понять только в том случае, если ухаживать за ребенком почти сразу после рождения. Мать, которая очень мало знала о проявляемых детьми особенностях поведения, взяла со стола зонт и отнесла

его в другую комнату. Ребенок сразу успокоился. Причиной его волнения был лишний предмет на обычно пустующем столе. Порядок, к которому привык ребенок, был нарушен.

Следующий пример – с полуторагодовалым ребенком. В этой сцене я сама принимала активное участие. С небольшой группой людей я находилась в Неаполе в Гроте Неро. Среди нас была одна юная дама, которая вела за руку ребенка, еще достаточно маленького, чтобы идти пешком по глинистой дороге. Через некоторое время ребенок, естественно, устал. Поэтому мать взяла его на руки. Но она сама не смогла рассчитать свои силы. Ей стало жарко, и она остановилась, чтобы снять свое пальто и перекинуть его на руку. Когда она снова захотела взять ребенка, он начал плакать и в конце концов плач перешел в крик. Мать зря старалась успокоить его. Она была изнурена и стала нервничать. Рев малыша действовал всем на нервы, и поэтому всей компании захотелось помочь матери. Ребенок кочевал с рук на руки, но волновался все больше. Каждый пытался поговорить с ним, что было невозможно, и ситуация еще больше ухудшалась. Матери не оставалось ничего другого, как снова взять его на руки. Но после этого так называемые капризы зашли так далеко, что положение казалось безнадежным. Здесь вмешался экскурсовод и со свойственной мужчинам энергией взял ребенка на свои сильные руки. Я подумала, что такая реакция ребенка имела под собой причину психологического порядка. Она имела отношение к сензитивности ребенка, и я решила предпринять последнюю попытку. Я подошла к матери и сказала: «Разрешите мне помочь вам надеть пальто!» Она посмотрела на меня озадаченно, но послушалась совета. Ребенок тут же успокоился, перестал плакать и больше не говорил: «To palda», что значило, видимо: «На плечи» или: «Да, мама должна носить пальто на плечах». Это выглядело так, словно он подумал: «Наконец-то меня поняли!» Он потянул руки к матери, улыбнулся ей, и остаток нашего путешествия прошел абсолютно мирно. Пальто, по мнению ребенка, должно быть на плечах и не висеть бесполезным куском ткани на руке. Это нарушение порядка со стороны матери вызвал в душе ребенка мучительный конфликт.

Еще одна сцена, при которой я присутствовала, была не менее впечатляющей. Мать одной двухлетней девочки была больна и отдыхала в кресле, на которое служанка положила две подушки. Малышка подошла и потребовала «историю». Какую мать заставишь просить дважды, когда ее ребенок просит сказки? И дама стала рассказывать, хотя и чувствовала себя плохо, и малышка слушала очень внимательно. Но мать почувствовала себя хуже и не могла продолжать. Она попросила перенести ее в

соседнюю комнату и положить в кровать. Но девочка вернулась к креслу и начала плакать. Казалось, что она плакала из-за того, что мать была больна, и та пыталась ее успокоить. Когда служанка пришла, взяла с кресла подушки и хотела отнести их в спальню, малышка начала кричать: «Нет, подушки оставь!», словно хотела сказать: «Оставь хоть что-то на своем месте!» С ласковыми и льстивыми словами малышку подвели к кровати матери, которая, несмотря на боль, продолжала рассказывать сказку с желанием удовлетворить разбуженное любопытство ребенка. Но, рыдая, с лицом, мокрым от слез, малышка сказала: «Мама, кресло!» Значит, мать должна была остаться сидеть в кресле. Сказка не интересовала больше ребенка. Мать поменяла подушки и кресло, в котором она начала рассказывать сказку, а продолжила в другом месте, и последствием стал драматический, долго не затихающий конфликт в детской душе.

Эти примеры показывают стремление к порядку. Особенно удивительно его раннее проявление, так как у двухлеток потребность в порядке уже становится основанием для практических действий, и если помешать, то это повлечет за собой воздействие на духовную жизнь. В наших детских домах можно наблюдать чрезвычайно интересные явления. Если предмет не на своем привычном месте, то мальчишка-двухлетка замечает это и тут же возвращает вещь на место. Он замечает все до мельчайших деталей. Взрослые и старшие дети не замечали мыла, лежащего на умывальнике, а не в мыльнице, и проходили мимо. Если стулья стояли немного криво, то двухлетний малыш ставил их правильно.

На выставке в Сан-Лоренцо в год открытия Панамского канала можно было наблюдать случаи такого рода в стеклянном павильоне нашей школы. Один ребенок двух лет по собственному желанию занимался после окончания ежедневной работы в школе тем, что расставлял стулья вдоль стены. При этом занятии он, казалось, думал о чем-то. Когда он однажды передвигал на место большое кресло, то вдруг нерешительно прервался, повернулся еще раз и поставил кресло наискосок. Это кресло должно было стоять именно так.

Я хочу сказать, что порядок представляет для ребенка стимул, призыв к действию. Значит, это несомненная потребность жизни, удовлетворение которой доставляет удовольствие. Снова и снова мы в наших школах можем наблюдать, как дети в возрасте от трех до четырех лет добровольно и с радостью ставят после каждого упражнения на место предметы, которыми пользовались. Порядок означает быстрое отыскивание предметов в помещении, запоминание места, на котором находится каждая

вещь. Это означает и ориентировку в своей среде, и обследование ее до мельчайших деталей. Быть спокойным можно лишь в той среде, которую хорошо знаешь, в которой каждый разыскиваемый предмет можно найти, двигаясь с закрытыми глазами. Изучив, таким образом, свое окружение, ребенок становится спокойным и счастливым. Итак, очевидно, что любовь к порядку, как ее чувствуют дети, есть нечто, что выходит далеко за пределы холодного и сухого понятия, каковым считают его взрослые.

Порядок для них выглядит удобством, которое, впрочем, в большей или меньшей степени оставляет их равнодушными. Но ребенок формирует сам себя с помощью своего окружения. Такое внутреннее строительство не может происходить по неопределенной формуле, а требует намного более точного и определенного руководства.

Для ребенка порядок – это земля, на которой мы стоим. Это то, что для рыбы – вода, в которой она плавает. В раннем детском возрасте человеческий дух заимствует из своего окружения элементы для ориентирования, которые необходимы ему для последующих завоеваний.

Маленькие дети с удовольствием находят предметы на предназначенных для них местах. В таких играх проявляется радость, которая вызывает наше удивление кажущимся отсутствием логики. Прежде чем я приведу пример такой игры, я хотела бы рассказать об одном случае, происшедшим в Женеве с профессором Пиаже и его сыном. Отец спрятал предмет сначала под подушку кресла. Затем в отсутствии ребенка он перепрятал его под подушку второго, стоявшего напротив, кресла. Мальчик должен был отыскать предмет там, где он его видел в последний раз. Он не нашел его там. Чтобы облегчить задачу, профессор на глазах мальчика спрятал предмет под подушку второго кресла. Ребенок ограничился тем, что приподнял подушку первого кресла и прекратил свои поиски, сказав: «Его здесь нет!» Профессор повторил эксперимент, в котором он на глазах ребенка перенес предмет от одного кресла к другому. Но и на этот раз ребенок повторил свои действия и слова: «Его там нет!» Рассердившись на ребенка, профессор поднял нетерпеливо подушку со второго кресла и спросил: «Ты не видел, что я переложил его сюда?» «Да, – возразил ребенок, – но она должна быть здесь (под подушкой первого кресла)».

Я сама была очень удивлена, когда наблюдала игру в так называемые прятки с детьми двух и двух с половиной лет. Дети казались возбужденными, счастливыми и полными ожиданий. Игра в прятки заключалась в следующем: один ребенок сидел на корточках под столиком, который был накрыт свисающей до пола

скатертью. Другие дети выбежали из комнаты, но скоро вернулись, подняли скатерть и «нашли» под ликующие возгласы «спрятавшегося» там напарника по игре. Это повторялась много раз. Каждый говорил по очереди: «Теперь спрячусь я», – и садился под столик. В другой раз я видела, как большие дети играли в прятки вместе с маленькими. Маленький ребенок спрятался за шкафом, и взрослые сделали так, словно не увидели его, с тем, чтобы доставить ему радость. Малыш же закричал: «Я здесь!» с таким выражением, словно хотел сказать: «Разве вы не видели, что я здесь?»

Однажды я сама поучаствовала в такой игре. Я встретилась с группой детей, которые радостно кричали и хлопали в ладоши, потому что нашли своего товарища за дверью. Они подошли ко мне и потребовали: «Поиграй с нами! Спрячься!» Я согласилась, и все выбежали из комнаты, чтобы я могла спрятаться. Но я спряталась не за дверью, а за шкаф. Когда дети зашли в комнату, они стали искать меня за дверью. Я подождала немного и, заметив, что они не стали искать дальше, вышла из своего укрытия. Дети были разочарованы и печальны. «Почему ты не играешь с нами? – спросили они. – Почему ты не спряталась?» Игра служит тому, чтобы пробудить радость, и дети очень любят эту абсурдную игру. У детей определенного возраста радость выражалась в том, чтобы все находить там, где это должно быть. Они видели смысл игры в прятки в том, чтобы найти то, чего не видно, но о чем точно знают, где это находится. Они ясно говорят: «Хотя это и не видно, я все-таки знаю, где это может находиться, и даже с закрытыми глазами, так как я совершенно уверен, где это спрятано».

Все это показывает, что природа взрастила в ребенке сензитивность к порядку, чтобы построить его внутренний разум, который отыскивает не столько различия между вещами, сколько узнает связи между предметами. Это чувство делает все окружение ребенка единым целым, части которого состоят в определенных отношениях. В таком знакомом окружении с его взаимосвязями ребенок хочет научиться ориентироваться, двигаться и добиваться цели. Без умения налаживать связи у него отсутствовала бы реальная основа, и он оказался бы в том же положении человека, у которого, между прочим, есть мебель, но нет квартиры, чтобы разместить ее. Для чего ребенку масса накопленных картин-впечатлений без того порядка, благодаря которому они станут имеющим смысл целым? Если бы человек знал только окружающие его вещи, но не связи между ними, то в этом хаосе не нашел бы выхода. Ребенок совершает вместе с тем подготовительную работу, на основе которой взрослым он будет в

состоянии ориентироваться в жизни и искать свою дорогу. В сензитивных периодах порядка природа дает человеку как бы первый урок. Она похожа на учителя, который заставляет ученика начертить план школьной комнаты и по нему подготовить карту полушарий, которая представляет поверхность всей земли. Можно также сказать, что в этот период природа дает ребенку в руки компас, с помощью которого он может ориентироваться в море.

Не менее важен другой подарок природы – способность малыша точно повторять звуки, из которых состоит речь с ее бесконечно развивающимися возможностями, которую взрослый отстраивает в течение столетий. Разум человека не появляется на пустом месте. Он строится на фундаменте, который ребенок закладывает во время своих сензитивных периодов.

Внутренний порядок. Сензитивность к порядку существует в ребенке в двух видах: как чувство внешнего порядка, касающееся связей между составными частями окружающего мира, так и чувства внутреннего порядка, которое можно было бы назвать и внутренним чувством ориентирования. Оно состоит в узнавании и локализации физических функций, которые взаимодействуют между собой в процессе движения.

Внутреннее чувство ориентирования изучалось экспериментальной психологией. При этом обнаруживало себя «мускульное чувство», которое позволяет нам давать постоянный отчет о различном положении членов нашего тела. Рука об руку с ним идет вид особой, так называемой мускульной памяти. Именно по этому пути пошли механические теории, которые основываются на опытах сознательных движений. Если индивид сделает движение рукой, чтобы взять предмет, то это движение воспринимается мускульным чувством, оно откладывается в мускульную память и может в любое время репродуцироваться. Таким образом человек формирует то внутреннее чувство ориентирования, которое осуществляет движение по желанию, к примеру, правой или левой рукой, повороты в разные стороны. Все это осуществляется на основании опыта, который он собрал при совершении разумных и продиктованных его волей отдельных движений.

С этим объяснением, однако, вступают в противоречие некоторые факты. У ребенка есть очень яркий сензитивный период для развития тела. Он заявляет о себе прежде, чем ребенок начнет свободно двигаться и таким образом собирать свой опыт. Это означает, что природа готовит особую сензитивность для развития тела, чтобы оно могло занимать различные положения.

Старые теории касаются чисто механических связей нервной системы. Мы же говорим о сензитивных периодах, которые связаны с духовными процессами, просветлениями и вибрациями, которые формируют сознание. Это энергии, которые исходят от нулевого положения, чтобы обеспечить существование основных звеньев, с помощью которых совершается будущее духовное строительство. Начало всему дает природа, преподнося ребенку подарок, благодаря которому осознанный опыт продолжает совершенствоваться. Негативное воздействие на сензитивные периоды, на остроту их протекания оказывают случаи, когда на пути ребенка в его окружении встречаются препятствия. Тогда возникает часто сильное возбуждение, дающее нам хорошо знакомые признаки непрекращающихся капризов. У ребенка может даже пробудиться болезнь, которая не поддается лечению до тех пор, пока действуют вызывающие ее обстоятельства. Стоит только устранить препятствие, как тотчас исчезают и «капризы», и болезнь.

Интересны факты, описанные одной няней из Англии, которой приходилось на некоторое время оставлять ребенка под присмотром другой такой же опытной няни. Та не испытывала никаких трудностей с малышом, пока дело не доходило до купания, которое проходило беспокойно и с отчаянным плачем ребенка. Он не только кричал, но оборонялся, пытаясь своими ручками и ножками оттолкнуть няню, и ее старания оказывались напрасными. В конце концов ребенок возненавидел няню. Когда же возвращалась первая няня, он снова становился милым и дружелюбным. Она могла купать малыша без сопротивления с его стороны. Наоборот, он находил радость в этом купании. Первая няня была из нашей школы. Она задумалась над этими обстоятельствами, чтобы объяснить поведение ребенка. С неустанным терпением она искала причины происходящего.

Когда обе няни обсуждали ситуацию, то выяснили, что одна из них держала ребенка головкой на правой руке, а ножками на левой, в то время как другая привыкла держать его иначе. Так она обнаружила, что малыш увидел в ее коллеге «зло», потому что она держала его «наоборот».

В другом случае, о котором я хочу вам рассказать, ребенок пришел к состоянию сильного возбуждения, принявшего болезненную форму. Причина этого выяснилась с большим трудом. Я не работала тогда врачом, но мне пришлось участвовать в разрешении конфликта. Ребенку, о котором идет речь, было не более полугода. Семья вернулась из длительного путешествия, которое, по воспоминаниям, было для ребенка сопряжено со слишком большим напряжением. Родители

рассказывали, что во время поездки не произошло никаких происшествий. Семья жила в первоклассных отелях в предварительно заказанных комнатах, с подготовленной для ребенка по такому случаю кроваткой и питанием.

В очередном путешествии семья остановилась в удобной меблированной квартире. Но в ней не было детской кроватки, и ребенок спал на большой кровати рядом с матерью. Болезнь малыша началась ночью с перевозбужденного состояния. Его пришлось носить всю ночь на руках, и его плач приписывался болям в животе. Были приглашены несколько врачей, один из которых даже порекомендовал тщательно готовить пищу для ребенка. Но ни солнечные ванны, ни современные методы лечения не оказали ни малейшего воздействия. Состояние ребенка продолжало ухудшаться, и каждая последующая ночь становилась для семьи изнурительной вахтой. К этому добавились конвульсии. Ребенок корчился в кровати в вызывающих тревогу судорогах. Такие припадки происходили от двух до трех раз в день. Было решено проконсультироваться у известнейшего специалиста по детским нервным болезням. В этот момент я и вмешалась. Ребенок создавал впечатление здорового, да и по рассказу родителей во время всего путешествия он был здоров и спокоен. Значит, симптомы указывали на причины духовного порядка. Когда я поняла это, я положила ребенка на кровать и снова увидела состояние возбуждения. Я взяла два кресла и поставила их друг против друга так, что они превратились в плюшевую кроватку. Затем застелила кроватку бельем и без слов поставила ее у большой кровати. Ребенок посмотрел, прекратил плач, скатился к краю большой кровати, затем в импровизированную кроватку и моментально заснул. Симптомы болезни больше не появлялись.

Очевидно, что ребенок привык спать в маленькой кроватке, прикрывавшей его со всех сторон и служившей его телу опорой. Большая кровать не могла предоставить ему такую защиту, и эта путаница в его внутреннем ориентировании была причиной полного страданий конфликта. Врачи напрасно искали средство для его предотвращения. Таково влияние сензитивных периодов. Именно в них направлены стрелы природы, как в совершенно определенную цель.

Ребенок чувствует порядок не так, как мы. У нас накопилось множество впечатлений, и от того они притупились. Но ребенок приходит из ничего и еще очень беден. И все, что он создает, он начинает создавать с нуля. Это созидательное усилие он берет на себя в полном одиночестве и делает его своим наследством. Мы похожи на детей человека, который в поте лица приобретал свои

богатства, но мы не хотим понимать его. Мы холодны и неблагодарны. Нам нравится наше превосходство. Ведь мы уже всем обеспечены и нам не нужно ничего делать. Мы можем использовать мышление, которое подготовил для нас ребенок; волю, которую он закалил для нас; мускулы, которые он наполнил силой.

Мы ориентируемся в мире, потому что ребенок привнес для нас все необходимые навыки. Мы осознаем себя, потому что эту сензитивность подготовил для нас ребенок. Мы потому богаты, что являемся наследниками ребенка, и основы нашего существа привнесены им из пустоты. Ребенок совершает неслыханный первый шаг от этой пустоты на путь познания. Так близок к нам первоисточник нашей жизни, который действует, чтобы действовать. Случается то, что должно случиться по плану творения, без всякой шумихи, не оставляя даже воспоминания в мозге человека.

Глава 9
Интеллект

Наблюдение за ребенком учит нас, что его интеллект строится не сразу и не извне, как предполагает механическая психология, которая господствует еще и в чистой науке, и в воспитании, и вследствие этого играет главенствующую роль в лечении детей. Согласно механическому учению, картины внешнего мира как будто стучатся в ворота чувств, они в какой-то мере пробиваются, протискиваются в самое нутро души, основательно закрепляются в ней, объединяются друг с другом и так постепенно организуют построение ума. Душа ребенка пассивна, и поступающие извне впечатления остаются как бы брошенными на произвол судьбы и поэтому полностью зависят от руководства взрослого. Существует другая широко распространенная точка зрения, согласно которой душа ребенка не только пассивна, но даже, как выражались старые воспитатели, представляет собой пустой сосуд, а значит, предмет, который нужно лишь наполнить содержимым.

Наши собственные исследования проводились, естественно, не для того, чтобы пренебречь важным значением окружающего мира в построении ума. Ведь известно, что наши методы воспитания во главу угла всего педагогического процесса ставят именно воздействие окружения. Известно также, что мы считаем чувственные впечатления основополагающими. Различие между устаревшими представлениями о пассивности ребенка и истинными обстоятельствами состоит, тем не менее, во внутренней восприимчивости ребенка. Длительные, протекающие почти до пяти лет сензитивные периоды наделяют детей по-настоящему чудесной способностью овладевать окружающим

миром. Ребенок – активный наблюдатель, посредством своих чувств он впитывает впечатления извне. Но это утверждение существенно отличается от другого, согласно которому ребенок безучастно отражает впечатления, словно зеркало. Наблюдающий человек исходит от внутренней потребности, от пристрастия к чему-либо, и из многочисленных впечатлений вокруг он выбирает только определенные. Джеймс выдвинул положение о том, что никто не может видеть предмет во всех его деталях. Каждый индивид видит лишь ту его часть, которая согласуется с его собственным интересом и ощущениями. Отсюда можно заключить, что разные люди, разглядывающие один и тот же предмет, описывают его по-разному. Джеймс писал: «Если вы носите новый костюм, который вам очень нравится, то на улице вы будете обращать внимание на одежду элегантных людей, рискуя при этом попасть под машину».

Но можно задаться вопросом, что заставляет ребенка делать определенный выбор из бесчисленного множества различных впечатлений, которые он получает в окружающем его мире? Толчок к этому выбору не может, как считает Джеймс, идти извне, потому что пока еще отсутствует накопленный опыт. Точка отсчета для ребенка начинается с нуля. Будучи активным существом, ребенок шагает вперед в абсолютном одиночестве. Центром, вокруг которого сензитивные периоды ребенка разворачивают свое внутреннее воздействие, является разум. Интеллект зарождается и разворачивается в ребенке как естественная творческая функция. Ребенок растет и питается под влиянием чувственных впечатлений, которые он заимствует из окружающего мира.

Первоначальная энергия ребенка – это непреодолимая сила. Картины из окружения ребенка упорядочиваются и служат разуму, который жадно и ненасытно впитывает их. Мы всегда можем наблюдать, как ребенка активно притягивают свет, краски и звуки и какое он видит в этом наслаждение. Но хотелось бы обратить ваше внимание на внутренний процесс, а, значит, на роль разума как фундамента мышления, который пребывает еще в зачаточном состоянии. Не следует говорить о том, какое восхищение это должно в нас вызвать. В то время, когда ребенок делает первый шаг, начиная с нуля, в нем проявляется великое дарование, на котором основано превосходство человеческого рода над природой – его интеллект. Он начинает свое шествие вперед, прежде чем маленькие ножки ребенка сделают первые шаги, а его тело движение.

Пример поможет понять эту мысль лучше. Я хотела бы рассказать об одном поразительном случае с ребенком четырех

недель, который еще ни разу не попадал за пределы своего дома. Няня держала его на руках, когда отец предстал перед ребенком вместе с его дядей, живущим в этом же доме. Оба мужчины были примерно одного роста и возраста. У малыша появилось на лице выражение крайнего удивления, почти испуга. Оба знали немного о детской психологии и постарались прийти ребенку на помощь и успокоить его. Они оставались в поле его зрения, но отошли друг от друга – один направо, другой – налево. Явно успокоившись, ребенок внимательно разглядел одного из них и начал улыбаться. Вдруг на лице его показалось прежнее выражение страха: он посмотрел на другого господина. Какое-то время малыш всматривался в него, и тоже улыбнулся.

Почти десять раз менялись чувства ребенка от страха к улыбке, сопровождаемые движениями головы слева направо, пока он, наконец, не понял, что перед ним два человека. Это были единственные мужчины, которых он вообще до этого видел. Впоследствии они стали чаще брать его на руки, обращались к нему ласковыми и нежными словами. Так малыш понял, что кроме знакомых ему женщин – мамы, няни, – есть и другие люди. Так как он еще никогда одновременно не видел двух мужчин, он подумал, что существовать может только один мужчина – отец. Отсюда его страх: он увидел, что это существо, которое он с таким усердием выделил из хаоса и упорядочил его в свой мир, вдруг предстало пред ним в двух лицах. Ребенок в первый раз открыл, что его ввели в заблуждение. Если бы взрослые в этом доме не владели бы некоторыми познаниями о том, что у ребенка четырех недель также есть духовная жизнь, то малыш не получил бы ту огромную помощь, которую своим поведением ему оказали его отец и дядя. Он опирался на эту помощь, делая шаг к столь необходимому ему осознанию.

Другим противоположным примером может служить следующее небольшое событие, в котором речь идет о ребенке более старшего возраста – о девочке семи месяцев. Она сидела на полу и играла с подушкой. На ткани были изображены цветы и дети, и девочка целовала с явным восхищением детей и нюхала цветы. Невежественная няня, которая присматривала за девочкой, заключила из ее поведения, что ребенку доставляет радость вдыхать запах любых предметов и целовать их. И она стала придвигать ребенку различные предметы, говоря при этом: «Поцелуй это, понюхай это!» В результате ребенок, который занимался тем, что занимал себя, узнавая изображения и тренируя посредством движения свою память, спокойно и радостно осуществляя внутреннюю работу, пришел в заблуждение. Его затаенное устремление упорядочить свой

внутренний мир было уничтожено непонятливой душой взрослого, как морская волна смывает крепости из песка и рисунки на нем.

Взрослые могут помешать внутренней работе ребенка и даже сделать ее невозможной, прерывая ход его мыслей и «развлекая» непонятным образом. Они хватают ребенка за ручку, целуют ее и жаждут уложить спать, не придавая должного внимания внутренней работе, которая, может быть, как раз в этот момент и совершается в душе малыша. Совершенно необходимо, чтобы ребенок, рассматривающий иллюстрации, сохранил их в полной ясности, потому что только с ясным пониманием одно впечатление может отличаться от другого и формировать мышление.

Один детский врач, специалист по питанию детей первого года жизни, проделал очень интересный опыт. Он организовал клинику, ставшую впоследствии известной. Исследования привели его к выводу, что, помимо питания, следует обратить внимание в целом и на некоторые индивидуальные факторы. Так, например, нельзя рекомендовать ни одного из имеющихся в торговле молочных товаров как «отличное» детское питание, по меньшей мере не учитывая возрастных границ, потому что для одного этот продукт может подходить, в то время как для другого – нет. Клиника этого врача-специалиста была образцовой как с точки зрения медицинской, так и с эстетической. Однако его метод распространялся только на младенцев до шести месяцев. Несмотря на заботу диетологов, дети росли не столь успешно, что явилось загадкой, хотя ребенка после шести месяцев кормить намного легче, чем до шести. Профессор организовал консультации для матерей, которые не могли сами кормить своих детей грудью, потому что дети этих бедных женщин и после шести месяцев не демонстрировали нарушений, которые наблюдались у детей клиники. Постепенно профессор понял, что в этом необъяснимом явлении особую роль играют обстоятельства духовного порядка. Когда он понял это, то смог установить тот факт, что дети седьмого месяца страдают от «скуки из-за недостатка духовной пищи». Он озаботился тем, чтобы дети получали развлечение и досуг и гуляли не только по террасе, но и в других местах.

Только благодаря многочисленным опытам с абсолютной точностью было доказано, что все дети первого года жизни впитывают в себя чувственные впечатления из своего окружения с четкостью, не требующей предварительного опознания этих плоскостных и объемных картин. Можно утверждать, что эти впечатления в конце первого года жизни устареют и перестанут

быть для ребенка жизненно важными. С начала второго года жизни яркие живые предметы и детали уже не так притягательны для ребенка. Можно сказать, детские интересы обращаются к вещам, едва заметным.

В первый раз я наблюдала эту восприимчивость у девочки пятнадцати месяцев. В саду я услышала смех, причем такой громкий, который редко случается у детей этого возраста. Девочка выбежала туда одна и сидела на каменной плите, на террасе. Вблизи, под почти тропическим солнцем, находилась шпалера распустившейся герани. Но малышка смотрела не на цветы, а напряженно всматривалась в землю, на которой ничего нельзя было разглядеть. В этом скрывалась тайна детской жизни. Заинтересовавшись ее загадочным поведением, я осторожно подошла поближе и ничего не увидела. Тогда ребенок объяснил мне громко: «Здесь бегает кто-то маленький». Только тогда я увидела крошечное, почти невидимое насекомое, снующее туда-сюда, едва различимое на каменной плите. На ребенка произвело впечатление, что в мире есть такое маленькое существо, которое может двигаться, бегать вокруг! Удивление и радость переполняли малышку. Оно разразилась громким смехом.

Подобное впечатление я получила, увидев мальчика приблизительно такого же возраста. Мать дала ему серию цветных открыток. Мальчик хотел показать мне эту коллекцию и принес большой пакет. Он сказал на своем детском языке: «Биби». Я поняла, что он хотел показать изображение автомобиля. В этой серии было много симпатичных рисунков. Мать ребенка не просто показывала ребенку открытки, но и, видимо, занималась с ним. На открытках были экзотические животные (тигры, жирафы, львы, медведи, обезьяны) и домашние (овца, кошка, осел, лошадь, корова). Были и маленькие сцены, ландшафты с животными, домами и людьми. Но странным было то, что в этом собрании не было автомобиля. «Я не вижу никакой машины», – сказала я малышу. Тогда он разыскал одну открытку из этого большого собрания, но на ней никакой машины также не было видно. Когда он разыскал эту открытку, он победоносно воскликнул: «Вот же она!» Речь шла об одной сценке охоты, в центре которой была роскошная собака. На заднем плане стоял охотник с ружьем на плече. В уголке, в отдалении, были изображены домики и исчезающая линия, которая должна была обозначать улицу, и на этой линии была точка. Ребенок показал на нее и сказал: «Биби». Действительно, при ближайшем рассмотрении оказалось, что эта едва заметная точка – крошечная машина. Сложность, с которой можно было узнать машину, и тот факт, что она изображалась в таких крошечных пропорциях, заинтересовали ребенка, он

удостоил изображение своим вниманием и выделил из всего.

Я подумала: «Возможно, никто не показал малышу это богатое разнообразие прекрасных и полезных вещей». Я выбрала жирафа с длинной шеей и начала объяснять: «Смотри, какая смешная шея! Такая длинная!» – «Аф!» – произнес мальчик. Итак, он точно знал, что это был жираф, и я не стала дальше рассказывать ему.

На втором году жизни природный разум ребенка развивается далее, проходя определенные, чередующиеся друг за другом стадии. Развивая мышление, ребенок впитывает из своего окружения все, вплоть до мельчайших деталей.

Однажды я показывала ребенку в возрасте почти двадцати месяцев прекрасную книгу, книгу для взрослых. Это было Евангелие с иллюстрациями Густава Доре, который поместил в книгу и такие классические картины, как «Преображение» Рафаэля. Я выбрала одну картину с Иисусом, который зовет к себе детей, и начала рассказывать: «Иисус несет ребенка на руке, другие дети прислонили к нему свои головки, смотрят на него, и он любит их…» Выражение лица ребенка не выказало никакого интереса. Я сделала вид, что не заметила этого, и листала книгу дальше, разыскивая в ней другие иллюстрации. Вдруг мальчик говорит: «Он спит». Мне снова открылась тайна детской души почти без всякого замешательства. «Кто спит?» – спросила я. «Иисус! – энергично продолжил малыш. – Иисус спит!» И он попытался перевернуть лист назад, чтобы показать мне, что это действительно так. Христос смотрел на детей из-под опущенных век. А ребенку показалось, будто глаза Христа сомкнуты во сне. Малыш обратил внимание на отдельный штрих, который взрослому не бросился бы в глаза.

Я продолжала мои объяснения, и мне удалось показать мальчику Вознесение Христа. «Видишь, – сказала я, – Иисус вознесся на небо, и люди, которые это видят, испугались. Мальчик смотрит, женщина вытянула руки». Конечно, такое объяснение было не совсем подходящим для маленького ребенка, и вообще картина была выбрана неудачно. Но теперь я намеренно ожидала от ребенка загадочных высказываний, чтобы провести сравнение между видением (поставить ударение на первом слоге) сложных картин взрослым и ребенком. Малыш что-то пролепетал себе под нос, как бы говоря: «Дальше, дальше!», и не выказывал никакого интереса. Когда я листала, он трогал свою маленькую игрушку-кролика, висевшую у него на шее. «Кролик», – сказал он. Я, естественно, подумала, что ребенок подумал о своей игрушке, но он энергично потребовал, чтобы я перевернула страницу назад. И правда, на картине я нашла в уголке маленького

кролика. Но кто бы мог обратить на это внимание? Очевидно, дети и мы – это два отличных друг от друга вида психической личности, и речь здесь идет не о пошаговом развитии от минимума до максимума.

Воспитатели детских садов и учителя начальных классов тратят много сил на разъяснение вещей, с которыми трех– и четырехлетние дети уже имели дело. Они считают, видимо, детей слабослышащими людьми. В конце концов вместо ответа ребенок протестует: «Но я не глухой!»

Долгое время взрослые думали, что дети реагируют только на яркие, броские предметы, на громкие звуки и поэтому искали сильные стимулирующие воздействия. Мы часто видели, какую притягательную силу оказывают на детей поющие люди, звучащие колокола и колокольчики, развевающиеся флажки, яркий свет и другое. Но эти сильно воздействующие внешние возбудители действуют лишь временно. Они отвлекают внимание, навязывают детскому сознанию сильные внешние впечатления и тем самым мешают тонким воздействиям на чувства. Приведу одно, конечно, неполное, сравнение. Если вы углубились в чтение какой-нибудь интересной художественной книги и вдруг неожиданно услышали с улицы резкие звуки музыки, то подниметесь и с любопытством поспешите к окну. Наблюдающий, который видит, как читающий человек, неожиданно привлеченный звуком, подпрыгивает и бежит к окну, сделал бы для себя вывод, что звуки оказывают на человека возбуждающее влияние. Точно так же обстоит с детьми. Сильный внешний раздражитель может привлечь внимание ребенка, но он останется в этом случае без связи с глубокой, формирующейся частью детского разума, который есть его внутренняя жизнь. Мы можем видеть демонстрацию этого внутреннего формирования, когда наблюдаем, как дети углубленно и тщательно рассматривают совершенно мелкие, кажущиеся неинтересными вещи. Кто с интересом обращает внимание на детали предмета, воспринимает предмет не только лишь как чувственное впечатление, но всем своим поведением показывает, что испытывает любовь к этому предмету.

Разум ребенка во многом остается для взрослых закрытым и загадочным, потому что реакцию ребенка характеризуют как реакцию практически бессильного существа, не учитывая заложенной в нем мощной психической энергии. Все, что делает ребенок, имеет рациональную причину, которую можно расшифровать. Нет феномена, который не имел бы своего мотива, не имел бы оснований для существования. Очень просто сказать о каждой непонятной реакции, каждом трудном проявлении

ребенка: «Это каприз!» Он должен расцениваться нами как требующая решения задача, как загадка, требующая отгадки. Это трудно, но и чрезвычайно интересно. Такое отношение определяет новое нравственное поведение взрослого и ставит его в позицию исследователя, а не слепого судьи-тирана, что привычно для взрослого по отношению к ребенку.

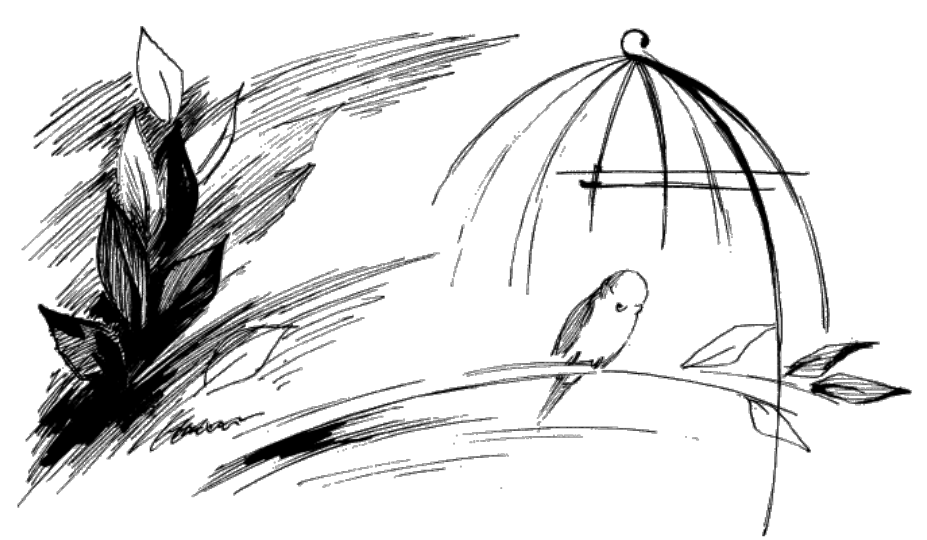
В этой связи приведу одну сцену в салоне, в котором дамы просто болтали между собой. У хозяйки дома был мальчик восемнадцати месяцев, который рядом с нею спокойно играл в одиночестве. Разговор шел о детских книжках. «Есть так много глупых книг с гротескными иллюстрациями, – сказала одна молодая мама. – Одна такая под названием «Самбо» у меня есть. Этот Самбо – маленький мальчик-негр, которому родители принесли ко дню рождения разные подарки – шапочку, ботинки, чулки. Пока они накрывали прекрасный стол, Самбо незаметно выбежал из дома, потому что хотел показать свою новую одежду. По пути он повстречал диких животных и, чтобы задобрить их, вынужден был каждому отдать по одной вещи из своего гардероба: жирафу – шапочку, тигру – ботинки и прочее. В конце концов бедный Самбо голый и со слезами на глазах возвращается домой. Но все радостно завершается тем, что родители прощают его и Самбо удовлетворяется тем, что садится за богато украшенный стол, о чем свидетельствует последняя иллюстрация».

И дама предъявила в качестве доказательства книгу с картинками, которая пошла по рукам. Маленький мальчик сказал: «Нет, Лола!», и все были удивлены высказыванием малыша. Он энергично повторил свое утверждение: «Нет, Лола!» «Лола, – сказала мать, – это имя новой девочки, которая несколько дней назад была у мальчика». Но ребенок снова с большей энергией крикнул свое «Лола!», и было видно, что речь идет о совсем бессмысленном капризе. Мы показали ему книжку с картинками, и ребенок разъяснил картинку на обложке с плачущим Самбо. Наконец мы поняли, что «Лола» – произнесенное на детском языке испанское словосочетание, означающее: «Он плачет». Маленький мальчик был прав, потому что последней была не страница, запечатлевшая радостную трапезу, а виньетка на задней стороне обложки, которая демонстрировала плачущего Самбо и на которую никто не обращал внимания. Протест ребенка был правильным, логичным, потому что мать объяснила: «Все закончилось благополучно». Для ребенка книга заканчивалась плачущим Самбо, потому что он точнее, чем мать, рассмотрел книгу – до последней страницы. Но самым удивительным во всей сцене было то, что малыш смог

сделать замечание, не будучи в состоянии поддерживать сложный разговор.

Ребенок, способный рассматривать мельчайшие детали предметов, должен считать нас неспособными правильно видеть, потому что в иллюстрациях мы видим только практически значимые взаимосвязи, которые остаются для ребенка недоступными. По сравнению с его личным умением видеть взрослый просто не замечает все тонкости, и каждый раз ребенок снова убеждается, с каким равнодушием мы обходим в высшей степени интересные подробности. Если бы он мог правильно выразиться, он хорошо объяснил бы нам, что в глубине души у него нет к нашим умениям никакого доверия или его так же мало, как у нас к нему, потому что наш способ мышления ему непонятен. Так и получается, что взрослый и ребенок не понимают друг друга.

Глава 10
Борьба на пути роста. Сон



Конфликт между взрослым и ребенком начинается с того момента, как ребенок становится способным к действиям. До этого никто не препятствовал ему видеть и слышать, а, значит, завоевывать мир с помощью своих органов чувств.

Как только ребенок начинает действовать – ходить, брать предметы, – картина меняется. Взрослый чувствует любовь к ребенку, но тем не менее в нем просыпается непреодолимый инстинкт, который заставляет его обороняться от ребенка. Душевные состояния ребенка и взрослого так отличаются друг от друга, что их совместная жизнь стала бы невозможной без взаимного приспосабливания. Нетрудно заметить, как часто это приспосабливание причиняет ребенку вред, ведь его социальное положение полностью зависит от взрослого. Подавление действий ребенка в среде, где властвует взрослый, неизбежно, если взрослый, убежденный в своей любви и готовности жертвовать, не осознает своего оборонительного поведения. Бессознательный оборонительный инстинкт скрыт под маской. Так, скупость маскируется под защиту от ребенка дорогих вещей, под разговоры о «долге так воспитывать ребенка, чтобы научить его прилично себя вести». Из страха перед малейшим нарушением мира собственного удобства возникает «необходимость заставить ребенка успокоиться в интересах его здоровья».

Матери из простонародья защищаются от своих детей

пощечинами, криком, ругательствами, выгоняя детей из дома. Время от времени они осыпают их поцелуями и ласками, удовлетворяя свою потребность в нежности. Напротив, в высших слоях общества такие инстинкты прикрывают маской формальности. Конкретные чувства скрываются за отвлеченными понятиями: любовью, жертвою, долгом, самообладанием. Матери из высших слоев поступают со своими неудобными детьми так же, как и женщины из простонародья: отделываются от них и перекладывают ответственность на няню, отправляя гулять с ребенком или заставляя надолго укладывать ребенка спать.

Терпение, любезность, покорность матери из привилегированных слоев (по сравнению с нянями) является выражением молчаливого согласия проявлять терпение и смирение только тогда, когда ребенок – нарушитель мира – находится достаточно далеко от родителей и их собственности.

Как только ребенок выходит из оков беспомощности и начинает наслаждаться победой собственного «я», которое подчиняет себе органы движения, эти замечательные инструменты его стремления к деятельности, так тут же ему навстречу выступает множество великанов, которые хотят закрыть ему вход в мир. Эта ситуация со всей ее драматичностью напоминает переселение первобытных людей, которые хотели избежать рабства и устремлялись в неприветливые, неизвестные края, словно иудейский народ под предводительством Моисея. Если в конце концов после страданий и скитаний по пустыне возникал благодатный оазис, в котором мирно обитали другие народы, то эти блуждающие встречались не гостеприимно, а с обнаженными мечами.

Такова человеческая природа, которая пытается защитить свой мир от вторжения. Когда эта природа проявляется в отношениях между народами, то возникают войны. Движущая причина таких феноменов всегда конкретна и скрыта в неизвестных глубинах. Но первой целью такой борьбы является защита своего порядка, спокойствия и своих владений от вторгающегося народа. Вторгающийся народ не останавливается. Он борется с отчаянным мужеством, так как от этого зависит его существование.

Под маской неосознанности совершается эта борьба между любящими родителями и невинными детьми. Взрослым легче всего сказать: «Нельзя бегать, нельзя трогать, нельзя разговаривать и кричать, лежи спокойно, ешь, спи». Или он должен уйти из дома в сопровождении лиц, не относящихся к семье и не любящих его в действительности. По инерции взрослый выбирает самый простой путь, чтобы отделаться от

надоедливого ребенка, заставляя его спать тогда, когда этого хотят «большие».

Кто же сомневается в том, что ребенку необходим сон? Но ребенок – невероятно живое, любознательное существо и по своей природе оно какое угодно, но только не сонливое. Конечно, ему необходим нормальный сон, и мы должны помочь ему в этом. Но нормальный сон – нечто совершенно иное, чем искусственно вызванный. Известно, что люди с сильной волей могут оказывать влияние на более слабых и что внушением можно вызвать сон испытуемого объекта. Так и взрослый приводит ребенка ко сну через внушение, даже если он делает это неосознанно.

Взрослый, будь то незнающая или образованная мать либо обученная няня, осуждает это насквозь живое существо на долгий сон. Не только младенец нескольких месяцев, нет, но также и уже подросший ребенок двух, трех, четырех и более лет обречен спать много больше, чем ему необходимо. К детям из простонародья это, естественно, не относится, потому что они целый день проводят на улице, не надоедая своим матерям и тем самым избегая этой опасности. Ведь хорошо известно, что дети из простонародья не такие нервные, как из «лучших домов». Несмотря на это детская гигиена и по сей день рекомендует чрезмерно продолжительный сон как единственное средство для сохранения здоровья. Я вспоминаю одного семилетнего мальчика, который рассказывал мне, что никогда не видел звезды, потому что его всегда укладывали в постель задолго до начала ночи. Он говорил мне: «Я так хотел бы однажды ночью забраться на гору и лежа смотреть на звезды!»

Многие родители хвалятся тем, что они приучили своих детей рано засыпать, и таким образом они постоянно могут по своему желанию уходить из дома. Современная детская кроватка, в которую кладут малышей, есть знаменательное изобретение. Она отличается от колыбели, красивой по своей форме и мягкой, и отличается от кровати взрослых, в которой можно удобно растянуться и спать. То, что называется детской кроваткой, в действительности есть не что иное, как первая страшная тюрьма, которую семья предлагает борющемуся за свое духовность существу. Дети – пленные в высокой железной клетке, куда их упрятали родители. Эта принудительная постель – реальность и символ одновременно. Они пленники цивилизации, которая была создана взрослыми и для взрослых, которая все более и более обступает ребенка и оставляет все меньше пространства для развития. Детская кроватка – это клетка, такая высокая, что взрослому не нужно склоняться над ребенком, устроенная так, что он может быть брошен в ней на произвол судьбы. Пусть

плачет! Он не причинит себе боли!

А вокруг ребенка все затемняется, чтобы свет нового дня не мог проникнуть к нему и разбудить его. Если мы хотим прийти на помощь духовной жизни малыша, то нам следует прежде всего убрать детскую кроватку и отказаться от обычая принудительного, неестественно долгого сна. У ребенка должно быть право спать, когда он сонный, просыпаться, когда он выспится, и вставать, когда захочет. Исходя из этого, мы рекомендуем – и многие семьи уже последовали этому совету – упразднение детской кроватки; она должна быть заменена очень низкой постелью высотой чуть выше уровня пола, на которую ребенок может по желанию ложиться и вставать.

Такая маленькая низкая кровать недорога и проста, как все реформы, которые приносят пользу для духовной жизни ребенка, так как ему нужны простые вещи. Но те немногие вещи, которые принадлежат ребенку, часто так сложны, что вызывают тяжелую задержку в его развитии. В многочисленных семьях эта реформа была воплощена таким образом: на пол клали маленький матрас с одеялом. Вечером дети шли с удовольствием спать совершенно самостоятельно и вставали утром тоже с удовольствием, никому не мешая. Это показывает, насколько в корне неправильно мы понимаем уход за ребенком, и как взрослый, в попытке сделать хорошее, в сущности, действует против детских потребностей. При этом взрослый неосознанно следует своим оборонительным инстинктам, вместо того чтобы преодолевать их, прикладывая определенные усилия.

Взрослый обязан попытаться понять потребности ребенка и быть ему помощником, приняв соответствующие меры организации действительно подходящей среды. Только так мы можем прийти к новому воспитанию, которое должно помогать ребенку в его жизни. Это было бы равнозначно концу эпохи, когда взрослый видел в ребенке предмет, который, покуда он еще очень маленький, берут и несут по желанию то туда, то сюда и который имеет право лишь подчиняться и приспосабливаться ко взрослому. Взрослый должен, наконец, увидеть, что обязан занять второе место и научиться понимать ребенка, став его помощником. Эта воспитательная ориентация действительна как для матерей, так и для всех других воспитателей. Детская личность, которая должна развиваться, более слабая; следовательно, мыслящая личность взрослого должна отступить и считать делом чести понимать ребенка и следовать ему.

Глава 11
Ходьба

Идя навстречу потребности незрелого существа к приспосабливанию, взрослым следует отказаться от некоторых своих желаний и определить свое поведение в отношении ребенка.

Нечто вроде этого инстинктивно делают высшие животные: они приспосабливают условия жизни для своих питомцев. Чрезвычайно интересно выглядит, как слониха-мать подводит своего детеныша к стаду. Огромная масса гигантских толстяков сразу замедляет скорость своего продвижения с тем, чтобы малыш мог, не уставая, следовать за стадом. И если детеныш устал и остановился, то и все стадо приостанавливается.

Есть некоторые человеческие культуры, в которых присутствует жертвенная готовность ради блага ребенка. Я имела случай наблюдать одного японского папу, который вел на прогулку своего ребенка полутора или двух лет. Вдруг малыш обнял отца за ногу. Тот остановился и стал спокойно наблюдать, как ребенок начал переступать вокруг его ноги. Когда малыш прекратил движение, оба продолжили медленно прогуливаться дальше. Через какое-то время мальчик опустился на бордюр тротуара. С серьезным и спокойным лицом отец остановился рядом с ним. В его поведении не было ничего особенного. Он был просто отцом, который гулял со своим ребенком.

Как важно себя вести таким образом, чтобы ребенок мог упражнять в высшей степени важные для себя виды ходьбы в том отрезке возрастного развития, в котором организм координирует

движение множества мускулов, управляющих равновесием при прямохождении. Ходить прямо лишь на двух ногах есть в высшей степени сложная задача, которую природа подарила человеку.

Строение человеческого тела соответствует строению млекопитающих, но человек передвигается на двух, а не на четырех конечностях. У обезьян есть длинные передние конечности, с помощью которых они по желанию могут сделать стойку на земле, но лишь человек имеет возможность доверять все функции при «ходьбе с равновесием» исключительно двум конечностям. Кроме того, млекопитающие при ходьбе поднимают две ноги по диагонали поочередно, так что их тело четко опирается на две опоры. Идущий же человек опирается попеременно всегда на одну ногу. Природа может решить эту проблему с помощью двух вспомогательных средств: одно из них – инстинкт, другое – индивидуальные волевые затраты. Новорожденный не развивает способность к прямохождению, однако предполагается, что он будет ходить. Знаменитый «первый шаг», который приветствует с такой радостью семья, представляет собой некий триумф и означает переход от первого года жизни ко второму. Он означает, так сказать, рождение активного человека, который занимает место человека бездеятельного. Вместе с ним для ребенка начинается новая жизнь. Психология относит начало этой двигательной функции к одному из важнейших признаков нормального развития. С этого момента в свои права вступает упражнение. Только благодаря длительным упражнениям можно добиться уверенной ходьбы и поддержания равновесия, и ребенок предпринимает для этого серьезные усилия. Известно, какое воодушевление и мужество проявляет он в своих попытках ходить. Отважный малыш хочет ходить любой ценой, он похож при этом на солдата, который идет к победе, несмотря на опасности. Взрослый пытается защитить ребенка от этих опасностей и окружает его защитными приспособлениями. Ребенка запирают в бегунки или пристегивают к детской коляске, даже если у него уже давно окрепли ноги.

Это происходит от того, что шаг ребенка короче, чем у взрослого, и еще от того, что у него меньше выдержки для длительных прогулок. Взрослый не в состоянии отказаться от своего собственного ритма ходьбы. Если сказать о взрослом, специально приставленном к ребенку, то есть о лице, посвятившем себя уходу за ребенком, то в этом случае ребенок должен приспособиться к его ходьбе, а не наоборот. Нянька стремится прямо к цели своим привычным шагом. Ее цель – прогулка, и при этом она толкает детскую коляску, словно сумку на колесиках с овощами. Добравшись до своего конечного пункта,

например, до красивого парка, она садится и, вытащив ребенка из коляски, повелевает ему бегать по лугу. Этот вид воспитания сориентирован на физическое развитие ребенка, на его вегетативное существование. Он имеет целью, прежде всего, предостережение от возможной опасности и пренебрегает самыми жизненно важными потребностями психофизического развития ребенка.

В возрасте от полутора до трех лет ребенок может пройти своими ногами километр и при этом преодолеть сложные отрезки с подъемами и лестницами. Цели ходьбы ребенка и взрослого отличны. Взрослый идет, чтобы достичь какой-то внешней цели, и избирает для этого определенный путь. Он идет в своем собственном отработанном ритме, с которым автоматически движется вперед. Ребенок же, напротив, идет, чтобы развивать свою функцию ходьбы, и в этом его цель. Он медлителен, он еще не выработал ритма своего шага, не планирует цели. Иногда отвлекается на какие-то предметы, но возвращается к своему труду, продолжая идти дальше. Помощь, которую ему оказывает взрослый, состоит в том, чтобы раз и навсегда отказаться от своего собственного ритма при ходьбе, от своих привычных целей.

В Неаполе я знала одну семью, в которой самому младшему ребенку было полтора года. Чтобы дойти до берега моря, нужно было везти коляску по обрывистой труднодоступной дороге полтора километра. Молодые родители несли ребенка на руках, но устали. Тогда малыш сам пришел им на помощь, прошагав длинный отрезок пути пешком своими ногами. Мальчик останавливался у разных цветочков, присаживался на бордюр газона или углублялся в рассматривание какого-нибудь животного. Более четверти часа он наблюдал жующего траву осла. Ребенок проходил трудный путь к морю и обратно ежедневно, не уставая.

В Испании я знала двух детей от двух до трех лет, которые проделывали на прогулке путь длиной около двух километров. Мне были знакомы и многие другие дети, которые в течение более чем получаса преодолевали путь по крутым лестницам, спускаясь и поднимаясь по узким ступенькам.

Однажды одна дама попросила у меня совета по поводу «капризов» своей дочурки. Малышка научилась ходить без посторонней помощи всего за несколько дней. Каждый раз, когда ее брали на руки и несли вверх или вниз по лестнице, с ней случались приступы истинного бешенства. Мать боялась, что не уследит за ребенком, ей казалось, что ребенок бежит, волнуясь, и должен заплакать, когда ему нужно будет подняться по лестнице.

Она была склонна считать это случайным совпадением. Но было ясно, что малышка хотела «одна» подняться и спуститься по лестнице. Этот интересный путь был полон возможностей держаться и садиться, он был привлекательней лужайки парка, на которой ножки утопают в высокой траве и руки не находят опоры. Но лужайка была единственным местом, где она могла ходить, выпрямившись, не держась за взрослого или не находясь в детской коляске.

Легко заметить, что дети ищут любые возможности вскарабкаться, спрыгнуть, усесться на ступеньку, снова встать, соскользнуть вниз. Искусная ловкость какого-нибудь уличного мальчишки во время самостоятельного передвижения между препятствиями, желание избежать опасности, бег, цепляние за мчащуюся повозку – все это выдает заключенный в каждом ребенке огромный потенциал. Как влияют такие дети на пугливых и ставших ленивыми детей зажиточных классов! На долю и тех, и других не выпало действительной помощи в развитии. Одни остались в малоподходящем и полном опасностей окружении, в котором живут взрослые, а других охраняют от этого мира, подавляя их.

Ребенок – это основное звено в сохранении и построении человека – похож на Мессию, который не имел, где приклонить голову.

Глава 12
Рука

Примечательно, что из трех больших этапов, которые психология считает радикальными в развитии ребенка, два относятся к движению. Это начало ходьбы и артикуляция. Наука считает эти две двигательные функции неким подобием гороскопа, который предсказывает будущее человека. Одержав свою первую победу в овладении этими двумя умениями, «я» человека приобретает способность самовыражения и деятельности. Речь – исключительный признак человека, ведь она является выражением мыслей в отличие от ходьбы, присущей также и животным.

Животное изменяет места своего обитания, и эти изменения мест обитания производятся с помощью особых органов тела – ног, посредством которых и реализуется двигательная активность. Благодаря своей способности изменять места своего обитания человек стал покорителем всей земли. Но для него, как для существа мыслящего, ходьба не является основным характеризующим признаком.

Человека отличает от других живых существ важнейшая особенность – использование руки как ведущего инструмента своего умственного развития. Как нам известно, раннее вступление человека в доисторическую эпоху произошло благодаря искре, полученной от трения камней, которые служили ему первыми рабочими инструментами. Эти камни определили новое направление в биологической истории земных существ. Вся ранняя история человеческого рода, отраженная в каменных орудиях, связана с совершенствующейся рукой. Уже в

морфологии человеческого тела, в его способности прямо ходить заложена тенденция высвобождения руки с целью ее использования для различных видов деятельности. Рука была исполнительным органом разума. Таким образом, человек занял новое место в ряду живых существ и показал функциональное единство между психикой и движением.

Рука – это тонкий сложный орган, который позволяет разуму не только заявить о себе, но и вступить в совершенно определенные отношения с окружающим миром. Можно сказать, человек «держит» в руках этот мир. Руки человека, руководствуясь разумом, преобразуют мир. Тем самым человек осуществляет свою миссию в большом мировом плане.

При обсуждении духовного развития ребенка логично изучить развитие начальных выразительных движений, которые можно было бы назвать «интеллектуальными» – начало артикуляции и осмысленные движения руки. С древних времен люди подсознательно ощущали тесную связь речи и движений рук и придавали исключительное значение некоторым символическим действиям. Когда мужчина и женщина обручаются, они протягивают друг другу руки и произносят определенные слова. Когда невесте делают предложение, то говорят, что «просят ее руки». Принося присягу, произносят слово, совершая соответствующий жест рукой. В тех образах, где «я» сильно выражено, рука является незаменимой. Пилат снял с себя ответственность за распятие Христа, произнеся при этом ритуальное выражение: «Я умываю руки», и проделал это перед собравшимся народом. Прежде чем католический священник проведет мессу, он объявляет о своей невиновности, «умывая руки». Он делает это на людях, хотя он уже вымыл руки, прежде чем приблизиться к алтарю.

Все это показывает, насколько сильно подсознание считает руку демонстрацией своего «я». Следовательно, нет ничего более святого и чудесного, чем «человеческие движения» в ребенке! Взрослые должны следить за развитием руки и считать ее успехи праздником.

Первый раз маленькая рука тянется к предмету, и это движение показывает силу детского «я», вторгающегося в мир. Вместо того, чтобы восхититься и оценить это в ребенке, взрослый боится этих ручонок, которые хватаются за окружающие малоценные и незначимые для него предметы. Вскоре он становится защитником вещей от ребенка. Он спешит одернуть ребенка: «Не трогай это!» – словно приказывает ему не двигаться и не говорить.

Эта оборона в подсознании взрослого приводит к тому, что

он должен искать помощи у других людей, будто речь идет о том, чтобы вести тайную войну против силы, угрожающей его благополучию и владениям.

Ребенок ищет в своем окружении какие-либо вещи, чтобы использовать их для своего духовного строительства. Если ребенок ведет себя конструктивно, манипулируя при этом руками, он должен находить вокруг предметы, которые побуждали бы его к этой деятельности. Но в домашнем окружении никто не обращает внимания на эту его потребность. Все вещи, которые окружают ребенка, принадлежат взрослому. Ребенку запрещается брать их, они являются для него неким табу. Так взрослые пытаются решить жизненно важные проблемы посредством запрета. Если ребенку удается схватить предмет, попавшийся ему на глаза, то он ведет себя подобно изголодавшейся собаке, которая нашла кость и гложет ее в углу со старанием, полным страха от того, что кто-то снова отнимет ее.

Активность, которую проявляет ребенок, отнюдь не случайна, она совершается под руководством «я» ребенка и служит совершенствованию движений, мускульной координации. Это «я» – великий координатор, который с помощью непрерывных упражнений создает внутреннее единство между духовным источником воли и частями тела. Чрезвычайно важно предоставлять малышу возможность спонтанно выбирать и производить какие-либо действия. Для этих действий характерным является то, что они исходят не от случайных, а упорядоченных импульсов. При этом мы сталкиваемся с произвольными движениями – прыжками и действиями с предметами. Это не приводит к беспорядку и поломке предметов. Ребенок совершает конструктивные движения под влиянием увиденной в своем окружении деятельности. Он все время ищет действия, которым можно подражать и которые связывают предмет с его назначением. Малыш пытается сделать с этими предметами то же, что делают с ними взрослые. Поэтому действия его зависят от привычек взрослых из его окружения. Дитя хочет подмести в комнате, вымыть посуду и выстирать белье, налить воду, умыться, подстричься, одеться и т. д. Эти факты общеизвестны, их называют «стремлением к подражанию» и объясняют так: ребенок делает то, что наблюдает. Но все же это значение далеко не точно. Подражание крохи существенно отличается от того непосредственного подражания, которое наблюдается у обезьян. Формирующиеся движения малыша исходят из той психической картины, которая со своей стороны основывается на конкретных знаниях. Духовная жизнь, которой

отводится руководящая функция, всегда опережает связанные с ней движения-выражения. Итак, если ребенок производит какие-либо движения, он знает наперед, чего хочет; и хочет делать то, что знает, т. е. то, что видел в чьем-то исполнении. То же самое можно сказать и о речи. Малыш воспринимает речь, которую он слышит вокруг себя, и произносит слова, потому что он изучил их на слух и уже имеет в своей памяти. Но он употребляет эти слова согласно своим сиюминутным потребностям.

Вместе с тем усвоение и применение услышанных слов ни в коем случае не подражание говорящего попугая, тараторящего слова. Речь идет не просто о непосредственной имитации, а об использовании знаний, приобретенных посредством наблюдений. Акт речи полностью отделен от акта слушания. Это разграничение очень важно, т. к. оно улучшает понимание деятельности ребенка, в которой высвечиваются существенные стороны его отношений со взрослым.

Элементарные действия. Как только ребенок подрастет настолько, что сможет совершать четкие и логически мотивированные действия, которые он наблюдал у взрослых, он начинает действовать согласно своим собственным целям и при этом совершает непонятные для взрослых действия с предметами. Это происходит с детьми в возрасте от полутора до трех лет. Я видела, например, мальчика полутора лет, который в комнате разглядывал стопку свежевыглаженных, аккуратно сложенных салфеток. Он взял одну из них и осторожно, не развертывая, понес в угол комнаты, положил ее на пол и сказал: «Раз!» Затем вернулся по тому же пути наискосок, продемонстрировав при этом точное умение ориентироваться и схватил вторую салфетку, пронес ее тем же путем, положил на первую и снова произнес: «Раз!» Эта игра продолжалась, пока все салфетки не были уложены на пол. Но он тут же начал переносить их на свое первоначальное место. Стопка салфеток была сложена не так аккуратно, как сложила их домработница, но все же они были правильно свернуты вдвое. Вся стопка стояла в аварийном положении, но, тем не менее, устойчиво. К счастью для ребенка, во время всей этой длительной операции никого из членов семьи не было поблизости. Как часто за спиной ребенка взрослый вскрикивает: «Стой! Стой! Не трогай это!» И как часто достается этим маленьким, достойным уважения ручонкам, чтобы они привыкали не прикасаться ни к чему.

Еще одно «элементарное» действие, завораживающее детей, – это открывание закупоренных бутылочек. Особенно любят дети игру с гладкими стеклянными крышечками, которые светятся всеми цветами радуги. Эти действия с крышками флакончиков

дети предпочитают другим занятиям. Почти так же магнетически действуют на детей крышечки чернильниц или коробочек, которые можно открыть и снова закрыть, или открывание дверки шкафа. Часто из-за предметов, которые привлекают ребенка и до которых ему не разрешается дотрагиваться, потому что они принадлежат маме или стоят на папином столе в его кабинете, начинается война между ребенком и взрослыми, и в большинстве случаев это ведет к так называемым «капризам». Это происходит не из-за бутылочек и чернильниц. Он был бы бесконечно счастлив, если бы ему в руки дали другие предметы, с которыми он мог бы делать такие же упражнения. Эти и им подобные элементарные упражнения без особых логических решений относят к первым видимым успехам работающего человека. Некоторые разработанные нами материалы для самых маленьких детей задуманы для этой подготовительной стадии. Например, наши блоки с цилиндрами, которые нацелены на формирование тех же навыков.

Теоретически несложно понять, что ребенок должен чем-либо заниматься; но на практике мы сталкиваемся со сложными препятствиями, которые укоренились в душах взрослых. Часто взрослые (имеющие сильную волю) разрешают ребенку брать их любимые вещи и носить их. Они не подавляют просыпающийся в нем импульс.

Одна молодая дама из Нью-Йорка, проникнувшись моими идеями, решила попробовать их на практике со своим сыном двух с половиной лет. Однажды она увидела, как ребенок нес совсем без особой надобности из спальни в гостиную наполненный водой кувшин. Она увидела, с каким напряженным усилием и усердием малыш двигался вперед и говорил сам себе, не отвлекаясь: «Be careful, be careful!» (Будь осторожен!) Кувшин был тяжелый и мать не смогла продержаться долго. Она поспешила ребенку на помощь, забрала у него кувшин и отнесла туда, куда хотел отнести его малыш. Мальчик был, без сомнения, расстроен и начал хныкать. Мама пожалела, что обидела ребенка, но ее можно оправдать, так как она не понимала, что ребенок действовал из внутренней потребности и представила себе утомление ребенка, волнуясь за малыша. «Я понимаю, что поступаю неправильно», – сказала мне дама и попросила у меня совета. Я подумала о другой стороне дела, о том типичном чувстве взрослых, которое можно назвать «скупостью по отношению к ребенку». Я сказала ей так: «Есть ли у вас фарфоровый сервиз, дорогостоящие чашки? Велите вашему ребенку поносить некоторые из этих изящных легких предметов и посмотрите, что из этого получится». Дама последовала этому совету и рассказала мне потом, как с

величайшей бережностью и любовью мальчик нес на свое определенное место одну за другой эти тонкого фарфора чашки, не разбив при этом ни одной. Мать раздирало при этом двоякое чувство: радость за ловкость ребенка и боязнь за свои чашки. Несмотря на свой страх, она позволила ему носить посуду, и с тех пор она разрешала ему проделывать эту работу, вдохновляющую ребенка. Это обстоятельство влияет на духовное здоровье ребенка.

В другом случае я дала в руки одной маленькой девочке четырнадцати месяцев тряпочку для вытирания пыли. Ребенок с огромной радостью начал протирать различные блестящие предметы. Но тут у матери малышки проснулся один из инстинктов – оборонительный. Она не могла преодолеть себя, чтобы позволить своей дочурке держать в руках вещь, которая, по ее мнению, не несет в себе отражение потребностей ребенка.

Для взрослого, который правильно понимает значение процесса развития, первая демонстрация детского стремления к работе не является удивительным открытием. Он начинает чувствовать, что нужно научиться отказываться от чего-либо. Это выглядит так, словно он должен умертвить в себе свою личность, отказаться от своего образа жизни. Но это нельзя совместить с социальной жизнью. Без сомнения, ребенок находится за рамками общества взрослых. Случилось так, что сегодня он изолирован от общества взрослых, а это означает подавление его развития и ситуацию, когда вдруг ребенку вынесли бы приговор – навсегда оставаться немым.

Решение этого конфликта состоит в подготовке подходящего для ребенка окружения, в котором отражаются все главные жизненные процессы. Чтобы произнести первое слово, ребенку не нужна подготовленная среда. Дом наполняется желанными звуками – лепетом малыша. Напротив, для детской деятельности руки, которую можно назвать лепетом человека работающего, нужны приспособленные предметы, побуждающие ребенка к деятельности. Если таковые имеются, тогда можно увидеть достижения детей, которые часто выше их возможностей. У меня есть фотография одной английской девочки, которая несет привычный для этой страны каравай хлеба – такой большой, что обеих детских ручонок просто не хватило, и поэтому малышка напрягла все свое тело. При этом она отклонилась назад, не видя, куда поставить ногу. На снимке рядом была видна и собака, взгляд которой был в ожидании (это было заметно по напряженным мускулам) направлен на девочку – не прийти ли на помощь своей маленькой хозяйке? На большом отдалении от девочки мы видим глаза взрослого, который сдерживается, чтобы

не забрать у ребенка хлеб. Так, находясь в правильно подготовленной среде, маленькие дети часто совершают действия, которые своей ловкостью и точностью приводят нас в светлое изумление.

Глава 13
Ритм

Взрослый, который еще не понял, что деятельность руки является главной потребностью ребенка и представляет собой демонстрацию его стремления к работе, препятствует ему. Для такого поведения есть основания. Одна из причин этого состоит в том, что у взрослого перед глазами есть внешняя цель его действий. Свое собственное занятие он приспосабливает к своей личной духовной конституции. Это обстоятельство ведет его к достижению цели прямым путем, в самые короткие сроки и является одним из природных законов. Он формулируется как «закон наименьшей затраты сил». Когда взрослый видит, какие усилия предпринимает ребенок, чтобы выполнить бесполезное действие, которое, как ему кажется, он выполнил бы совершеннее, то он приходит на помощь и тем самым подготавливает конец «спектаклю», который он с трудом терпит.

Если ребенок восхищается какими-то вещами, то взрослые считают это непонятными причудами. Когда ребенок видит, что скатерть на столе лежит по-другому, не так, как обычно, то у него появляется желание расстелить ее, как он видел это ранее, и он будет делать это, между прочим, медленно, но всегда с затратой своей энергии, с вдохновением, на которое только способен. Единственная причина этого в том, что он «помнит» основные достижения своего разума. Переставить предмет в прежнее положение – это триумф его деятельности на стадии его развития. Причем ребенок будет для этого искать случая, когда рядом нет взрослого или когда тот не обращает на него внимания.

Если ребенок причесывается, то взрослый не видит его

чудесных усилий по приобретению навыков, но чувствует покушение ребенка на сферу его законных интересов. А ведь ребенок выполняет важное для него дело, выстраивающее его личность, как взрослый. Взрослый же видит, что ребенок не может быстро, хорошо и аккуратно причесаться, в то время как он может сделать это лучше и быстрее. Как сильный великан, достающий почти до потолка, сопротивляться которому бесполезно, он выхватывает у ребенка расческу и объясняет, как нужно причесываться. Стоит только ребенку начать пробовать самостоятельно одеваться или шнуровать ботинки, как его инициатива прерывается раньше времени. Взрослых нервирует не только бесполезность детских действий, но и отличный от их собственного ритм, в котором совершаются движения ребенка.

Свой собственный ритм не так просто сменить, как отложить в сторону, например, старомодную одежду и заменить ее новой. Ритм движений составляет часть личности, черту характера, некоторым образом, часть тела. Заставляя ребенка приспособиться к чужому ритму, взрослый подрывает психику ребенка. Если мы будем идти рядом с парализованным человеком, то почувствуем некое угнетение. Увидев, как парализованный человек подносит ко рту стакан с водой, который грозит вот-вот разлиться, мы чувствуем трудно переносимое, неудобное для нас столкновение ритмов движения. Мы стараемся подключить свой собственный ритм, и это называют «помогать». Нисколько не отличается и поведение взрослого по отношению к ребенку. Он неосознанно препятствует медленным движениям ребенка, словно отгоняет безобидное, надоедливое насекомое.

Быстрые движения ребенка взрослый тоже не может выносить и готов в этом случае даже смириться с беспорядком и неаккуратностью, которые резвый ребенок вносит в его жизнь. Это случаи, в которых взрослый «вооружается терпением», потому что здесь речь идет о видимых внешних нарушениях. Он осознает, что должен обладать волей. Но если ребенок слишком медлителен, то взрослый проявляет не что иное как вторжение. И тогда он становится на место ребенка. Вместо того, чтобы прийти на помощь его важнейшим духовным потребностям, взрослый заменяет детские попытки изучить какие-либо действия. Тем самым он блокирует своими собственными умениями пути самоутверждения ребенка, превращаясь в тяжелое препятствие его внутреннему развитию. Отчаянный плач «капризного» ребенка, которому не разрешают самому ни умываться, ни причесываться, ни одеваться, свидетельствует о первых драматических столкновениях человека во время его

становления. Кто бы мог подумать, что каждая глупая «помощь», связанная с первыми притеснениями ребенка взрослым, является началом опасных отклонений?

У японского народа существует впечатляющий пример, свидетельствующий о проекции бессознательного в потустороннюю жизнь. Японский ритуал связан с тем, что в могилы детей кладут камушки или мелкие предметы, чтобы отвратить мучения, которые могут принести с собой злые духи покойным. Каждый раз, когда ребенок строит что-нибудь из этих камушков, снова и снова приходит демон и все ломает. Камушки, которые приносят родственники, предназначаются для новых построек.

Глава 14
Субституция личности

Взрослый может замещать ребенка не только тем, что он делает что-то за ребенка, но и тем, что прямо навязывает ему свою волю. Действует уже не ребенок – посредством него действует взрослый. Ж.-М. Шарко в своем знаменитом Институте психиатрии продемонстрировал, как можно внушением произвести субституцию (от лат. substituo – ставлю вместо, назначаю взамен) личности. Своими впечатляющими экспериментами он поколебал основополагающие представления о том, что человек всегда господин своих поступков. В противоположность этому он доказал, что можно подавить личность испытуемого, внушить, что у него другая личность, например, гипнотизера.

Хотя условия клиники узки и сами опыты ограниченны, они открывают путь к новым исследованиям и открытиям. Они положили начало учению о двойственности личности, о подсознании, о высших психических состояниях.

Итак, существует отрезок жизни, особенно чувствительный к внушению, – детство, в котором формируется сознание, но восприимчивость ребенка творчески преломляет поступающие извне впечатления. В этот период взрослый может вкрасться в доверие к ребенку и своей волей воздействовать на окончательное формирование воли ребенка.

Часто в школах можно встретить слишком темпераментное объяснение задания: учитель либо сопровождает слова энергичными движениями, либо разжевывает задание. Затем мы видим, как в ребенке теряется способность самостоятельно

рассуждать и поступать. Ребенок воспроизводит жесты, которые отделяют его от своего «я». Его «я» уже не играет главную роль, а вытесняется личностью учителя, манеры которого имеют такую силу внушения, что беззащитная индивидуальность лишается органов самовыражения. Взрослый навязывает ребенку свою волю не столько осознанно, сколько непроизвольно, по невежеству, вообще не видя в этом никакой проблемы.

Вот что я наблюдала сама: я увидела, как почти двухлетний ребенок положил пару поношенных ботинок на белое покрывало заправленной кровати. Спонтанным, я бы сказала, случайным и ненамеренным движением я схватила ботинки, поставила их в угол и сказала: «Они грязные». Затем я рукой отряхнула покрывало, на которое он поставил ботинки. После этого инцидента маленький мальчик, заметив пару ботинок, подбегал к ним, убирал их и говорил: «Они грязные». Затем он проводил рукой по кровати, хотя ботинки ее не касались.

Другой пример. Одна дама получила коробку. В ней оказались лоскут шелка, который она протянула своей дочурке, и игрушечная труба, которую она сама поднесла ко рту и заиграла на ней. Ребенок радостно воскликнул: «Музыка!» И еще долгое время, как только выпадал случай прикоснуться к ткани, ребенок излучал радость и кричал: «Музыка!»

Запреты представляют собой благоприятную почву для вторжения чужой воли в действия ребенка, если поведение взрослого не настолько резкое, чтобы вызвать явное сопротивление. Подобное часто можно встретить в интеллигентных семьях, в которых поощряется сдержанность, или в семьях, пользующихся помощью няни. Характерен случай с девочкой около четырех лет, которая осталась на вилле родителей вместе со своей бабушкой. По-видимому, малышка хотела открыть кран в саду, но вместо него включила фонтан, который она тут же выключила. Бабушка сказала, что девочка может открыть кран, но малышка ответила: «Нет, няня это запрещает». Бабушка пыталась переубедить ребенка, говорила, что она не против, объясняла, что она находится на своей собственной вилле. Маленькая девочка смеялась, радовалась, выражала свое удовлетворение. Несомненно, у нее было желание посмотреть на фонтан, но, протянув руку, она снова отвела ее. Ее послушание в отношении запрета отсутствующей няни было настолько велико, что уговоры бабушки не помогли.

Следующий случай произошел с ребенком более старшего возраста, примерно семи лет. Сидящему мальчику захотелось вскочить и подбежать к тому, что привлекло его внимание. Однако нечто непреодолимое поколебало его волю, он должен

был отвернуться и снова сесть. Какой «господин» приказал ему остановиться, мы не узнаем, так как его образ стерся из воспоминаний ребенка.

Любовь к окружающей среде. Можно сказать, что у детей преобладает строительная духовная функция – внутренняя восприимчивость, которую мы определили как «любовь к окружающей среде». Со старательным рвением наблюдает ребенок за своим окружением, и оно притягивает его. Но особенно его вдохновляют действия взрослых, которые он хочет изучить и подражать им. На долю взрослого выпадает в этой связи одна из миссий, а именно – побудить своими действиями к деятельности и быть как открытая книга, в которой ребенок нашел бы руководство своими движениями и мог бы изучить то, что изучать должно, чтобы правильно действовать.

Чтобы причислить себя к этой роли, взрослый должен быть совершенно спокоен и совершать свои действия медленно, чтобы наблюдающему ребенку стало ясно каждое движение во всех подробностях. Если взрослый дает все в своем собственном и навязанном ребенку ритме, тогда это легко приведет к последствиям, когда он встанет на путь внушения своей собственной воли вместо формирования воли детской.

Предметы сами по себе тоже могут добиваться суггестивной власти над ребенком благодаря имеющимся в них чувственным стимулам и притягивать магнетически через действия с ними.

Я хотела бы в этой связи привести один интересный эксперимент, который проводил профессор Левин. Он записан на пленку. Целью этого эксперимента было показать различное поведение нормальных и умственно отсталых детей в наших школах (при одинаковых возрастах и одинаковых условиях) с одними и теми же предметами.

На длинном столе находились самые разнообразные предметы, среди которых были и наши учебные материалы. Сначала вошла одна группа детей. Было видно, что предметы привлекали, притягивали и интересовали их. Они были оживленными, улыбались и выглядели счастливыми от изобилия разложенных перед ними предметов. Каждый из них выискивал предмет, что-то делал с ним, затем хватался за другой и так далее. На этом первая часть фильма закончилась. Затем на экране появилась вторая группа детей. На этот раз дети двигались медленно, останавливались, смотрели на предметы, некоторые брали по одному и с кажущейся ленью застывали в одной позе. Вторая часть заканчивается.

Какая из двух групп состояла из умственно отсталых и какая из нормальных детей? Умственно отсталые дети – это те живые,

радостные дети, которые много двигались и ходили от предмета к предмету. Они хотели все испробовать. На публику, которая смотрела этот фильм, они произвели впечатление очень умных, потому что каждый из нас привык считать живых радостных детей, спешащих от одного предмета к другому, умными.

В действительности же нормальные дети двигаются спокойно, им нравится стоять на одном месте и рассматривать объект. Кажется, что дети словно рассуждают о нем. Спокойные, экономные, размеренные движения, склонность к раздумьям – это истинные признаки нормального ребенка.

Только что представленный эксперимент противостоит всем господствующим взглядам, так как в обычном мире умные дети ведут себя так, как в том фильме слабоумные. Нормальный ребенок – медлительный и задумчивый, представляет собой новый тип. Его можно узнать сразу, потому что в этом ребенке медленные, контролируемые им движения разрабатываются его собственным «я». Он – господин над суггестивностью, которая исходит от предметов. Он действует с этими предметами по своему усмотрению. И это зависит не от оживленности движений, а от самообладания. Неважно, как и в каком направлении движется индивид, важно то, что ему удалось овладеть своими моторными органами. Способность двигаться под руководством своего «я», а не под властью исходящей от предметов притягательной силы, ведет его к тому, что он концентрируется на отдельном предмете, и эта концентрация имеет свое происхождение в его внутренней жизни.

Истинно нормальными являются осторожные, обдуманные движения. В них выражается порядок, который мы имеем право назвать внутренней дисциплиной. Дисциплинированность при совершении внешних действий – это выражение внутренней дисциплины, которая образовалась благодаря чувству порядка. Если эта внутренняя дисциплина отсутствует, то тогда производимые личностью движения суетливы и становятся игральным мячом любого чужого волеизъявления. Все внешние впечатления сходны с движением никем не управляемой лодкой.

Исходящие извне волевые воздействия не ведут к дисциплинированности, так как они не создают внутренней организации. В данном случае можно говорить о расколе индивидуальности. Ребенок в таких случаях упускает момент развития в согласии со своей природой. Его можно было бы сравнить с человеком, который приземлился на воздушном шаре посреди пустыни. Он видит, как ветер движет шар вперед, и остается один. Он не может ничего сделать, чтобы вновь подчинить воздушный шар своей силе, и он не видит ничего

вокруг, что могло бы его заменить. Так выглядит человек, который выходит на борьбу с ребенком.

Разум ребенка затуманен, недостаточно развит и отделен от своих средств выражения, которые блуждают бесцельно и оставлены на произвол судьбы.

Глава 15
Движение

Снова должно указать на значение, которое имеет движение для построения духовности ребенка. Ученые совершают большую ошибку, причисляя движение к одной из многочисленных функций, недооценивая ее особенное значение в сравнении с другими – пищеварением, дыханием и т. д. На практике под движением понимают не что иное как деятельность, способствующую развитию обычных функций тела – таких, как дыхание, пищеварение и кровообращение.

Движение является важным и характерным свойством существования жизни. Посредством движения осуществляются все другие функции, и в этом его превосходство. Неверно судить о движении только как о функции тела. Например, спорт не только благоприятно воздействует на физическое состояние, но и воспитывает мужество и достоинство, воздействует на мораль и пробуждает воодушевление людей. А это означает, что духовное воздействие движения не менее значительно, чем физическое.

Развитие ребенка, обусловленное устремлениями его личности, – результат не только возрастных законов природы, но и духовных проявлений. Очень важно, чтобы ребенок был в состоянии собирать впечатления и сохранять их ясными и упорядоченными, так как «я» ребенка выстраивает собственный интеллект посредством сензитивных сил, которые руководят его энергиями. Это длительное внутреннее и скрытое усилие ведет к

образованию разума, а значит, состояния, которое отличает и характеризует человека как существо подвижное, наделенное умом, мышлением, умением что-либо оценивать согласно своей воле.

Взрослый просто ждет, пока с возрастом разум ребенка разовьется сам собою. Он замечает устремления ребенка, возрастание его усилий, но ничего не предпринимает, чтобы прийти к нему на помощь. Как только в ребенке начнет проявляться наделенное разумом существо, ему противопоставляется разум взрослого, препятствующий воздействием своей воли, если малыш пытается выразить себя через движение. Чтобы вникнуть в смысл движения ребенка, мы должны представить его олицетворением творческой силы, возводящей человека на высоту его вида. Лишь обладающий духом двигательный аппарат представляет собой инструмент, с помощью которого человек воздействует на внешний мир, выражая свою личность.

Движение – это не только выражение своего «я», но необходимый фактор для построения сознания; однако оно является единственным механизмом для хватания и касания при составлении определенных четких связей между «я» и внешней реальностью. Движение есть существенный фактор при формировании интеллекта, для которого необходимы питание и получение впечатлений извне.

Абстрактные представления вызревают из контактов с действительностью, которая может восприниматься только посредством движения. Такие абстрактные понятия, как пространство и время, произрастают из движения, которое связывает дух с внешним миром. Но духовный орган совершает свою деятельность двояко: с одной стороны, как внутреннее восприятие, с другой – как внешнее воспроизведение.

Нет ничего более сложного, чем построение человеческих органов движения. Количество предназначенных для этого мышц столь велико, что мы не можем использовать их все одновременно. Так что, можно сказать, что человек всегда располагает резервом энергии незадействованных органов. Тот, кто по роду своей профессии выполняет сложную ручную работу, включает в действие и использует мышцы, которые у какого-нибудь танцора никогда не участвуют, и наоборот. Можно утверждать, что в своем развитии личность не полностью использует свои резервы.

Чтобы человек сохранил свое нормальное состояние, необходима определенная деятельность мускулов. Она представляет собой у каждого человека основу, на которой

выстраиваются затем бесчисленные индивидуальные возможности. Если какое-то количество мускулов не работает регулярно, то это приводит к падению энергии человека.

Если мускулы, которые должны действовать согласно своим обычным функциям, остаются неиспользованными, то это влияет не только на физическое, но и на моральное состояние. Так деятельность мускулов и духовные энергии взаимодействуют друг с другом посредством некой игры.

Мы лучше научимся понимать значение движения, если понаблюдаем, в какие отношения вступают между собой двигательные функции и воля. Все вегетативные функции корпуса взаимодействуют с нервной системой, но не подчиняются воздействию воли. Каждый орган имеет свою собственную установленную для него функцию, которую он продолжительно выполняет. Ткани тех или иных структур работают, как специалисты, которые совершенно не могут делать ничего из того, что не входит в круг их обязанностей. Основополагающее отличие тканей и мышечных волокон в том, что мышечные клетки лучше подходят для сугубо специфической работы, однако самостоятельно они работают непродолжительное время. Им нужен приказ, чтобы проявить активность. Без такового они не совершают ничего. Их можно сравнить с солдатами, которые ожидают приказа своего командования и все вместе готовятся со всей присущей им усердной дисциплиной к предстоящим военным действиям.

Вегетативные клетки тела имеют четко очерченные функции, такие, как, например, производство молока или слюны, выделение вредных веществ или борьба с микроорганизмами. В своей совокупности они посредством постоянной работы поддерживают экономику тела, ненамного отличаясь от структуры человеческого общества. Их объединение для совместной работы существенно влияет на функционирование всего организма.

Большая масса мышечных клеток должна быть свободной и очень подвижной, чтобы в любое время суметь подчиниться отданному приказу. Вместе с тем это требует определенного обучения, и так как это приобретается посредством долгой деятельности, необходимо, чтобы ее можно было бы осуществлять. Только так можно добиться координации между различными группами клеток, которые вместе вступают в действие и должны точно выполнить принимаемые приказания.

Эта совершенная организация опирается на дисциплину, которая делает возможным, чтобы исходящее из центра указание попало к каждой точке периферии индивида. Только тогда

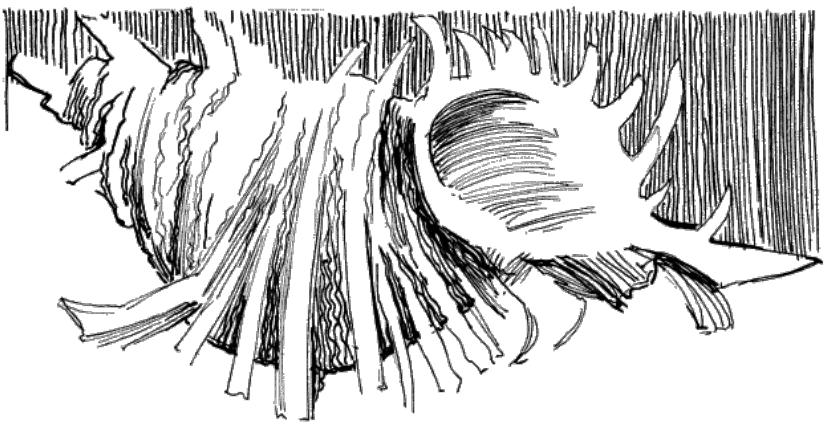
организм в целом в состоянии достичь чудесных результатов.

Для чего нужна была бы воля без своего инструмента?

Движение – средство, с помощью которого воля доносится до всех волокон и может таким образом проявить себя. Мы можем наблюдать, какие устремления использует ребенок и какая при этом возникает борьба, чтобы эти устремления достигли цели. Его желание, а лучше сказать импульс, побуждает его к тому, чтобы продолжать совершенствовать владение органами своего тела. Без воли мы могли бы получить только образ тени человека. В таких случаях было бы невозможно не только демонстрировать плоды своего ума, но и ум этот не стал бы приносить никаких плодов. Органы волевой функции есть не только инструмент движения, но и инструмент построения.

Дети в наших школах, имея право вести свободную деятельность, проявили одну из самых неожиданных и потому удивительных черт – преисполненную любви точность, с которой они выполняли свою работу. Наши дети как будто развивают внутреннюю силу своего разума вопреки себе. Ребенок – это первооткрыватель, родившийся из бесформенного облачка, ищущего свою собственную форму свечения.

Глава 16
Непонимание



Взрослые, которые не имеют никакого понятия о важнейшем значении для ребенка двигательной активности, стараются ограничить эту активность, как будто она приводит к нарушениям в развитии. Даже ученые мужи и педагоги отвергают значение активной деятельности в построении человека. Но различия между растениями и животными состоят в том, что первые связаны с постоянным местом обитания, в то время как вторые могут передвигаться. Как же можно думать о наложении ограничений двигательной активности ребенка?

В подсознании взрослого существует образ: «Ребенок – это саженец, ребенок – это цветок», следовательно, «он не должен двигаться». Ребенка называют «ангелом», считая его существом, которое вряд может двигаться. Он должен летать, но за пределами мира, в котором живут люди. Очевидно, что человеческие души слепы там, где происходит выход за те узкие границы, которые психоанализ охарактеризовал как «частичная слепота» бессознательного в человеческом роде.

У этой слепоты очень глубокие корни, и потому только этим можно объяснить, что даже наука со своими точными методами исследования оставляет без внимания это явление. Никто не оспаривает роль органов чувств в развитии интеллекта, а так как ценность интеллекта признана, то всем ясно, что страдающие глухотой, немотой и слепотой сталкиваются в своем развитии с огромными трудностями. Безусловно, слух и зрение являются

главными воротами интеллекта. Это интеллектуальные чувства. Обычно придерживаются мнения, что при всех прочих равных условиях интеллект глухонемого и слепого отстает от полноценного. Страдания, которым подвергаются глухонемые и слепые, по общему представлению, имеют особый характер. Они совместимы с вполне совершенным физическим здоровьем. Но уж точно никому не пришла бы в голову абсурдная мысль лишить ребенка зрения и слуха и таким образом побудить к более быстрому усвоению интеллектуальной культуры и общественной морали. Никто не стал бы также утверждать, что нужно положиться на слепых и глухонемых в улучшении культуры.

Крайне трудно объяснить большинству людей, как важно движение для духовного и морального построения человека. Человек, чьи деятельные органы в процессе его развития оказались бы повреждены силой извне, приговорен неизбежно отставать в развитии и стал бы более неполноценным, чем если бы был лишен некоторых интеллектуальных чувств.

Человек, который остается «пленником своего тела», страдает по-другому, трагичнее и глубже, чем слепой или глухонемой, потому что у него отсутствуют некоторые элементы окружающего мира, а значит, определенные внешние возможности развития. Но ум слепых и глухонемых обладает способностью приспосабливаться. Повышенная восприимчивость какого-либо чувства может восполнить, по крайней мере, до высокого уровня недостающее чувство. Движение связано с самой личностью и ничем не может быть замещено. Человек, который не двигается, повреждает себя глубочайшим образом, отказывается от своей жизни, падает в бездну, превращает себя в пожизненного заключенного и походит на изгнанных из рая первых людей, которые попали в незнакомый мир, исполненные стыда и боли от неизвестных страданий.

Когда заходит речь о «мускулах», то представляют что-то механическое, какое-то двигательное устройство. Могло бы даже показаться, что мы удаляемся от понятия, о котором мы говорили как о духе, противостоящем материи и всем механизмам. Придавая движению наибольшее значение в развитии ума (а значит всего человека), чем интеллектуальным чувствам, мы низвергаем основополагающие представления.

Но глаз и ухо обладают некими механизмами. Ничто не может быть совершеннее «живого аппарата» – глаза. Конструкция уха – это тоже чудесное единое целое из колеблющихся связок и мембран, некая джаз-капелла, где есть все необходимые барабаны.

Но когда мы говорим о значении этого великолепного

инструмента в построении ума, мы говорим не о его свойствах как механического аппарата, а о их использовании человеком. Посредством этих аппаратов он устанавливает связь с миром и использует их в соответствии со своими духовными потребностями. Природа, художественные произведения, звуки и голоса людей, – все эти разнообразные впечатления доставляют нашему «я» наслаждение духовной жизнью и необходимое питание для души. Только «я» может извлечь из всех чувственных впечатлений пользу для себя, оценить и вынести приговор. Какая бы цель была у наших органов чувств, если бы не «я», способное видеть и наслаждаться?

Сами по себе зрение и слух незначимы, но личность, образующая и сдерживающая «я», наслаждается и растет в процессе видения и слышания. Естественно предполагать аналогичное и о движении. Без сомнения, движение осуществляется посредством механических органов, хотя они и не являются зафиксированными механизмами, такими, как мембрана барабанной перепонки или хрусталик глаза. Но основная трудность механической жизни и, следовательно, воспитания состоит также и в том, чтобы «я» могло владеть своими двигательными органами и оживлять их, контролируя каждое действие, совокупность которых, выше всей существующей действительности и функций вегетативного бытия.

«Я», которое не в состоянии выполнить эти основополагающие условия, разлагается, подобно инстинкту, отделенному от тела, которое он должен оживить и у которого не стало больше цели.

Глава 17
Сила любви

Все устремления человека, возникающие согласно внутренним законам, нацелены на построение гармоничных взаимоотношений между живыми существами. Они выступают в нашем подсознании в форме любви. Можно предположить, что любовь – это мера оздоровления души.

Без сомнения, любовь сама по себе не движущий мотор, а некий рефлекс, сходный со светом, который звезды принимают от огромного небесного тела. Это импульс, дающий творческий толчок к жизни. Но творческая деятельность пробуждает инстинкт любви. Выходит, что сознание ребенка вмещает любовь, ведь только через любовь ребенок приходит к самопостроению.

Непреодолимое побуждение связывает ребенка в период протекания сензитивных периодов со своим окружением и поэтому может расцениваться как любовь к нему. Очевидно, что эта любовь отличается от распространенного представления о любви. Как правило, под любовью понимают чувство. Детская же любовь произрастает из самого разума, который формируется, глядя на все, что его окружает, с любовью. Интуиция, которая побуждает ребенка наблюдать, называется словами Данте «intelletto d'amore» («разумная любовь»).

Способность живо и точно наблюдать мир, которая у нас, взрослых, потеряла свою актуальность и кажется совершенно не значимой, без сомнения, есть некая форма любви. Не является ли чувствительность ребенка, не оценивающего мир вокруг, знаком любви? Разум ребенка впитывает все происходящее вокруг открыто, наблюдая с любовью, никоим образом не проявляя

равнодушия. Эта любовь деятельна и продолжительна. Ее можно назвать характерным свойствам детского возраста. В этих живых и радостных демонстрациях детской жизни взрослые видят типичные признаки этого возраста. Но в любви ребенка, то есть в его духовной энергии, они не замечают той нравственной красоты, которая сопровождает творческое становление самого человека.

Любовь ребенка с самого начала свободна от противоречий. Он любит, потому что впитывает мир и потому, что природа велит ему это. И он абсорбирует свое окружение, чтобы приобщить его к своей жизни, к своей личности.

Если взрослый приготовит для ребенка необходимые предметы, на которые он направит свою любовь, то в этой среде ребенок получит материальную помощь, беря с глубокой любовью из нее все, в чем нуждается для своего формирования.

Для ребенка взрослый – это объект почитания. Из уст взрослого, как из неисчерпаемого источника, устремляются слова, которые нужны ему для овладения речью, и он будет руководствоваться ими в своей деятельности. Слова взрослого воздействуют на ребенка как побуждения из высоких миров.

Подражание ему означает для ребенка вступление в жизнь. Слова и действия взрослого зачаровывают и вдохновляют ребенка, как этого требуют его суггестивные силы. Сензитивность ребенка по отношению к взрослому так велика, что взрослый может, образно говоря, жить и действовать в ребенке. Эпизод с мальчиком, который поставил обувь на покрывало, разоблачает, до какой точки послушания доводит ребенка суггестивная сила взрослого. То, что говорит ребенку взрослый, оставляет в нем следы, подобные следам резца скульптора на мраморе. Вспоминается пример с маленькой девочкой, мать которой получила пакет с лоскутками ткани и трубой. Поэтому взрослый должен тщательно взвешивать каждое слово, которое он произносит в данный момент, потому что ребенок жаждет учиться и накапливать в себе любовь.

В своем отношении к взрослому ребенок склоняется к послушанию, которое охватывает его до мозга костей. Если же взрослый захочет, чтобы ребенок отказался от каких-либо занятий, которые совершаются по неизменным внутренним правилам и законам, то ребенок может просто не подчиниться. Точно так же можно было бы приказать ребенку остановить рост зубов. Капризы и приступы непослушания ребенка есть выражение витального конфликта между творческим импульсом и любовью к взрослому, который не понимает ребенка. Всякий раз, когда взрослый вместо послушания наталкивается на

капризы ребенка, он должен подумать об этом конфликте и осознавать, что ребенок защищает то, что жизненно важно для его развития.

Мы никогда не должны забывать, что ребенку хочется слушаться взрослого и что это послушание ему по сердцу. Больше всего на свете ребенок любит взрослого. Мы же обычно лишь говорим: «Как родители любят ребенка!» Про учителей тоже говорят: «Она так любит детей!» Принято думать, что детей нужно учить любить родителей, учителей, человека вообще, животных, растения, вещи. Но кто учит детей любить? Едва ли взрослый. Он называет капризами жизненно важные поступки ребенка. Он ищет случая, чтобы защитить от него свое имущество. Такой взрослый не может научить любви, потому что он не имеет таких тонких чувств, которые мы назвали выше как «разумная любовь».

Уж кто действительно умеет любить – так это ребенок, который хочет быть рядом со взрослым и всегда привлекает к себе внимание: «Посмотри на меня, останься со мной!»

Вечером, когда ребенок ложится в постель, он зовет к себе любимого человека и страдает, когда тот покидает его. Когда мы садимся за стол, ребенок уже с младенчества хочет быть с нами, но не для того, чтобы есть с нами, а для того, чтобы смотреть на нас и быть с нами рядом. Взрослый не замечает этой мистической любви. Однако он знает, что это маленькое существо, которое любит его, должно вырасти когда-нибудь и уйти от него. Кто будет тогда звать его к себе, прощаясь и трогательно прося перед сном: «Останься со мной!» вместо равнодушного: «Спокойной ночи!» Кто еще захочет остаться с вами, когда вы едите, чтобы только смотреть на вас? Мы сопротивляемся этой любви, но никогда не найдем ничего похожего на нее. Мы говорим нервно: «У меня нет времени, я не могу, мне некогда!» и в глубине души думаем: «Этим детям нужно прививать правильные манеры, иначе мы станем рабами при них». Мы хотим освободиться от них, чтобы они не мешали нашему удобству.

Ужасна привычка ребенка будить мать и отца по утрам. Домработница предотвращает это недоразумение и играет роль ангела-хранителя утреннего сна родителей. Но что, как не любовь, побуждает ребенка спешить к родителям и будить их? Это чистое существо с восходом солнца спрыгивает с постели, разыскивая родителей. Малыш словно хочет сказать им: «Научитесь же жить свято! Уже светло, уже утро!» Но он приходит к родителям не поучать, а как существо, движимое желанием снова увидеть того, кого любит.

В комнате, возможно, душно и окна плотно зашторены, чтобы

ни один лучик не проник в нее. Осторожно, боясь темноты, преодолевая страх, ребенок нежно дотрагивается до матери. Отец и мать начинают браниться: «Мы тебе уже тысячу раз говорили, чтобы ты не будил нас». – «Я вас не бужу, – хочет ответить ребенок, – я хочу поцеловать вас!» Это означает так много: «Я хотел разбудить вас от сна, я хотел разбудить вашу душу!»

Да, любовь ребенка неизмеримо важна для нас. Отец и мать могут проспать всю свою жизнь. Им необходимо это маленькое существо, которое разбудит их и оживит своей свежей, живой энергией, которую они сами уже не имеют. Ребенок – это существо, которое ведет себя по-другому и зовет их по утрам: «Пробуждайтесь к другой жизни! Учитесь жить лучше!»

Да, жить лучше – это значит почувствовать дыхание любви. Без ребенка, который стремится помочь взрослому в обновлении, человек деградировал бы. Если взрослый не старается обновиться, его дух покрывается твердым панцирем, который заставляет его стать бесчувственным, и он теряет сердце. Попытаемся подумать о последнем суде, когда Христос обратится к тем, кто не пожелал воспользоваться средством к новому внутреннему рождению:

«Идите от меня, проклятые, в огонь вечный, уготованный диаволу и ангелам его: ибо алкал Я, и вы не дали Мне есть, жаждал, и вы не напоили Меня; был странником, и не приняли Меня; был наг, и не одели Меня; болен и в темнице, и не посетили Меня».

Тогда они скажут Ему в ответ: «Господи! когда мы видели Тебя алчущим, или жаждущим, или странником, или нагим, или больным, или в темнице, и не послужили Тебе?»

И Он возразит им: «Истинно говорю вам: так как вы не сделали этого одному из сих меньших, то не сделали Мне».

В этой драматической сцене Евангелие учит нас тому, что долг человека – помогать скрытому в каждом бедняке и плененном Христу.

Если мы проведем параллель между этой чудесной евангельской сценой и положением ребенка, то поймем, что в образе ребенка ко всем людям приходит Христос.

«Я любил тебя, я приходил к тебе по утрам, чтобы разбудить тебя, но ты выставлял меня!»

«Когда ты приходил утром в мой дом разбудить меня, и я выставлял тебя?»

«Плод твоей любви, который являлся к тебе и звал тебя – это был я. Кто просил тебя не оставлять меня? Это был я!»

Мы глупцы! Ребенок, словно Мессия, приходит, чтобы разбудить нас и научить любить! Но мы считаем, что все это –

капризы ребенка.

И предаем наши сердца проклятью.

Комментарий

Сам себе режиссер?

В целом правильные идеи, высказанные М. Монтессори в первой части, очень часто вызывают раздражение. Ведь не секрет, что многое, о чем более полувека назад с возмущением писала М. Монтессори, до сих пор считается нормой в традиционной педагогике.

Во второй части Монтессори рассказывает о появлении некоторых технических приемов, на которые сегодня опирается ее педагогическая система, но это требует комментария с точки зрения современного опыта применения идей Монтессори в педагогической практике.

Традиционная педагогика реально исходит из того, что ее задачей является формирование желаемого поведения ребенка. Ребенку все время навязывается чужой и чуждый ему опыт. Монтессори же предлагает дать ребенку возможность реализовать индивидуальную внутреннюю программу, развить собственную психику и интеллект.

Уже общеизвестно, что дети, которых родители в раннем возрасте держали в манеже, развиваются хуже, чем дети, активно исследовавшие мир вокруг себя. Что же происходит? Почему ребенок, получающий больше ощущений, а значит и больший опыт, вырывается вперед?

Монтессори предположила, что ребенок проходит два эмбриональных периода. Первый – когда зарождается его физическое тело и второй – когда зарождается его психика. В этом процессе малыш приобретает человеческие способности, разум, языковые навыки, и ему нельзя мешать. У него нет другой цели, кроме стремления совершенствовать себя. Никто не будет вместо него адаптироваться к окружающей жизни, и именно для этого ребенок развивает свои возможности, решая встающие перед ним задачи. Видимое противоречие заключается в том, что для развития надо действовать, но малыш в первые годы не может действовать так осознанно и целенаправленно, как это делал бы взрослый. Но это не означает, что правы педагоги, считающие, что ребенка надо формировать путем внешнего воздействия, чуждого детской природе. Монтессори открыла тот механизм, с помощью которого ребенок сам формирует себя, и назвала его «впитывающим умом». Малыш бессознательно отбирает из окружающей среды то, что работает на его развитие.

Так, среди множества шумов, его окружающих, ребенок безошибочно выделяет и усваивает человеческую речь, более того, язык народа, к которому принадлежат его родители. Именно эти звуки ребенок воспринимает и воспроизводит, говоря свои первые слова и дальше развивая свою речь. То же самое происходит и с другими впечатлениями, которые обрушиваются на ребенка. Он всем существом впитывает их и, с одной стороны, впечатления формируют малыша, а с другой, – создают то обширное поле выбора, которое и определяет человеческую индивидуальность.

Именно поэтому Монтессори предлагает взрослому наблюдать за ребенком и помогать ему делать самостоятельный выбор, давая малышу возможность развиваться органичным для него путем.

Легче всего проиллюстрировать этот принцип обыденным бытовым примером. За обедом ребенок сообщает, что у него нет ложки. Для взрослого проще всего дать ее малышу, а можно искренне удивиться, показав тем самым готовность помочь, но оставив решение о способе за ребенком. Малыш может попросить подать ему ложку или помочь решить проблему самостоятельно («Пожалуйста, подставь мне стул, я хочу достать ложку из буфета»), тем самым учась обращаться за помощью и находить партнера для решения своей проблемы.

Возможны, наверное, и другие варианты, но важно, чтобы была поощрена самостоятельность ребенка, ему было показано, что он вправе сам решать, как поступить. Ему был предоставлен честный выбор, и ребенок использовал эту ситуацию для того, чтобы научить себя чему-то новому.

Должен ли ребенок, и с какого возраста, активно познавать мир, полноценно жить и действовать в нем? Спор вокруг этого вопроса давно затих. Все согласились, что малыш развивается быстрее и лучше, если действует самостоятельно с самого нежного возраста.

Родителей в этом смущает два обстоятельства. Во-первых, ребенок может что-то испортить или сам пораниться. Во-вторых, вечная спешка, в которой мы сегодня живем. Родителям некогда ждать, пока родное чадо хотя бы само оденется. Проще это сделать за него. И делаем. Одеваем и ведем в детский сад.

А у ребенка совсем другой ритм жизни. Наши дела не кажутся ему важными и срочными. Малыш живет тем, что происходит с ним здесь и сейчас.

Если зайти в обычную группу детского сада, то легко можно заметить: все, что может стать предметом самостоятельной деятельности ребенка, надежно от него спрятано в закрытых

шкафчиках. Воспитатель может выдать ребенку игрушку, а может и не выдать. И такой порядок оправдан, потому что в рамках традиционных методик приучить ребенка к порядку можно только жесткими ограничениями.

Конечно, хороший воспитатель займет ребенка, организовав игру или читая книжку, научит делать аппликации или склеивать бумажные игрушки. Для старших детей может быть организован настоящий урок математики или русского языка за партами, как в школе. Редко кто-нибудь спрашивает малыша, хочет ли он делать то, что ему навязывают. Его привели в детский сад, чтобы учиться под руководством воспитателя.

Развивает ли такой подход самостоятельность и интеллект или послушание и умение действовать по шаблону? Вопрос риторический. Ведь ребенок так неловок и ему так трудно самостоятельно научится правильно действовать в тех или иных ситуациях.

Тем не менее в группах, работающих по методике Марии Монтессори, удается многое решить по-другому. Там дети стирают и гладят, сами накрывают на стол и даже чистят ботинки. Дети не играют в стирку и глажку, а действительно делают эти запрещенные мамами работы. У них настоящие тазики для стирки, правда, маленькие, настоящие испачканные во время завтрака салфетки и даже используемое мыло вполне настоящее. Научившись всему этому, они с минимальной помощью воспитателя переходят к занятиям математикой и русским языком. В этой группе действует незыблемый принцип: «Помоги мне сделать это самому».

Вот малыш рассыпал что-то на полу. Сам взял совок и щетку и подметает. «Ты еще маленький», – этим любимым взрослым аргументом его пытается остановить какая-то девочка. «Я не маленький, не маленький», – цедит сквозь зубы мальчишка. Может быть, сегодня в нем проснулась не только самостоятельность, но и самоуважение и ответственность. Как порою не хватает нам этого во взрослой жизни. Мне однажды довелось наблюдать, как в одной из групп Монтессори несколько маленьких энтузиастов вызвались вымыть окно. Воспитатель невозмутимо помог им подготовить все необходимое и с олимпийским спокойствием наблюдал, как дети отчаянно боролись с мокрыми тряпками.

Уборка их рабочего места заняла у воспитателя не меньше времени, чем само мытье. Но разве это не стоит той старательной сосредоточенности, которая была написана на лицах малышей? И есть ли что-нибудь, что стоит дороже полученного ими удовлетворения от сделанной работы? Пусть первый раз все

получилось не идеально, но ребенок учится гораздо быстрее и лучше, чем взрослый, который рискует, не получив таких навыков в детстве, остаться неумехой, у которого все из рук валится.

На одном из родительских собраний кто-то испуганно вскрикнул: «Вы им и ножницы даете? Даже взрослый человек порою может себя поранить». Это так, но разве нас кто-нибудь учил обращаться с острыми предметами? Разве мы, перед тем как взять в руки ножницы, могли потренироваться на разных пинцетах и зажимах? Эти дети могут. Так же как могут перейти к математике и русскому языку, когда сами захотят. В своем индивидуальном темпе, когда созреют, а не когда учитель построит их и поведет на занятие.

Важно и то, что, выжимая тряпку или намазывая на щетку крем для чистки обуви, ребенок осваивает новые для себя движения, и, много раз возвращаясь к такой работе, он делает ее все точнее и увереннее, готовя свою руку к движениям и действиям более сложным, необходимым при письме. Малыш пока не боится быть смешным, он боится, что взрослый остановит его, грубо разрушит его работу и отобьет к ней всякий интерес. А если этого страха нет, то со временем у малыша возникает интерес к самостоятельной работе, он обретает навык выбирать и планировать ее. *У ребенка появляется внутренний мотив к деятельности и творчеству.*

Конечно, с таким ребенком труднее, он требует уважения к себе и к тому, что он делает. Ему надо доходчиво объяснять каждое свое действие, потому что он готов отстаивать свое мнение в споре со взрослым.

Конечно, с таким ребенком проще, он не только уважает себя, но и других людей, хорошо знающих свое дело. Он способен делать поражающие взрослых открытия и сотрудничать с ними.